Юваль Ной Харари

BIG IDEAS

Sapiens

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Эта книга станет для науки об эволюции человека
тем же, чем для физики является
"Краткая история времени" Стивена Хокинга

Forbes

Юваль Харари

Sapiens. Краткая история человечества

Издательство «Синдбад»

2011

УДК 572.1/.4
ББК 28.71

Харари Ю. Н.

Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Н. Харари — Издательство «Синдбад», 2011

ISBN 978-5-905891-64-9

Сто тысяч лет назад Homo sapiens был одним из как минимум шести видов человека, живших на этой планете, – ничем не примечательным животным, которое играло в экосистеме роль не большую, чем гориллы, светлячки или медузы. Но около семидесяти тысяч лет назад загадочное изменение когнитивных способностей Homo sapiens превратило его в хозяина планеты и кошмар экосистемы. Как человек разумный сумел покорить мир? Что стало с другими видами человека? Когда и почему появились деньги, государства и религия? Как возникали и рушились империи? Почему почти все общества ставили женщин ниже мужчин? Как наука и капитализм стали господствующими вероучениями современной эры? Становились ли люди с течением времени счастливее? Какое будущее нас ожидает?Юваль Харари показывает, как ход истории формировал человеческое общество и действительность вокруг него. Его книга прослеживает связь между событиями прошлого и проблемами современности и заставляет читателя пересмотреть все устоявшиеся представления об окружающем мире.

УДК 572.1/.4
ББК 28.71

ISBN 978-5-905891-64-9

© Харари Ю. Н., 2011
© Издательство «Синдбад», 2011

Содержание

Часть первая 7
Глава 1 8
Скелеты в шкафу 9
Цена разума 11
Прирожденные повара 14
Сторож брату своему 15
Глава 2 19
Легенда Peugeot 22
Обойти геном 27
История и биология 29
Глава 3 32
Изначально благополучное общество 35
Общение с духами 40
Война или мир? 44
Завеса молчания 45
Глава 4 47
Виновен по всем пунктам 48
Конец ленивцам 50
Ноев ковчег 52
Часть вторая 54
Глава 5 55
Ловушка роскоши 59
Вмешательство свыше 62
Жертвы революции 64
Глава 6 69
Наступает будущее 70
Воображаемый порядок 71
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Юваль Ной Харари
Sapiens. Краткая история человечества

Памяти моего отца Шломо Харари

Yuval Noah Harari

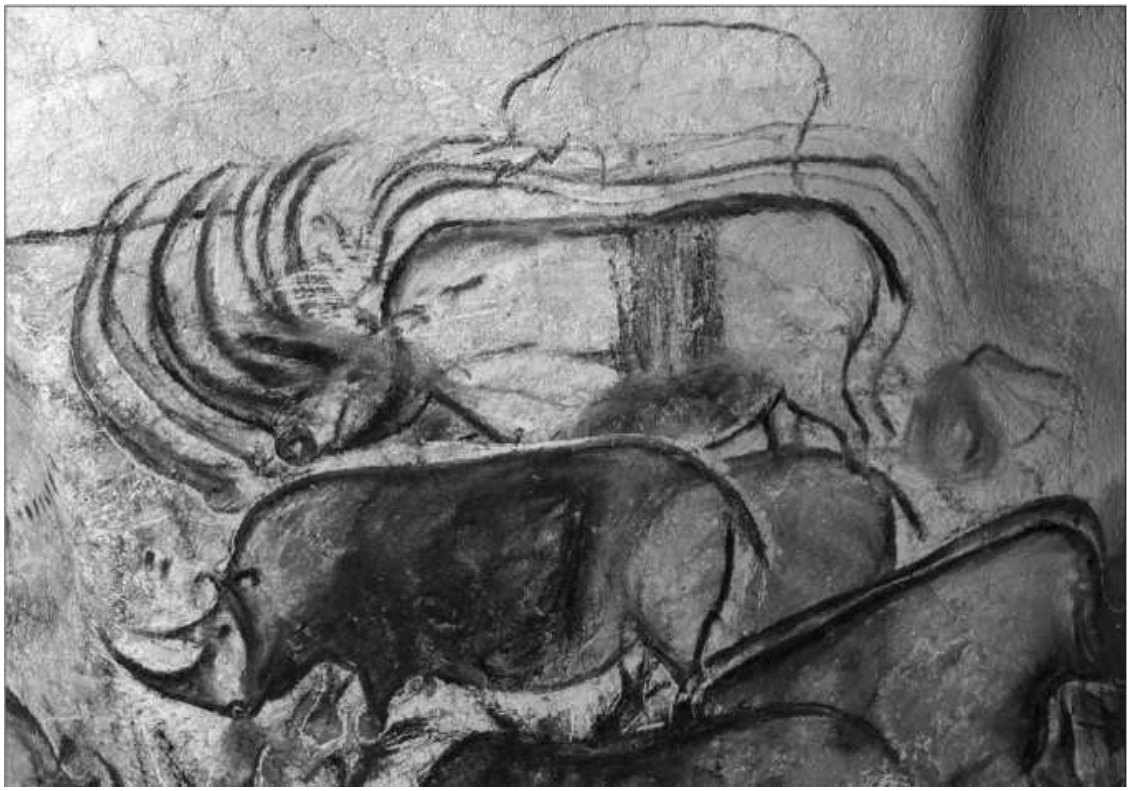
Sapiens
A Brief History of Humankind

Copyright © Yuval Noah Harari 2011

This edition is published by arrangement with
The Deborah Harris Agency and *Synopsis Literary Agency.*

Перевод с английского Любови Сумм

Часть первая
Когнитивная революция

Наскальным рисункам в пещере Шове-Пон-д'Арк на юге Франции – около 30 тысяч лет. Эти произведения искусства были созданы людьми, которые выглядели, думали и говорили, как мы

Глава 1
Ничем не выделяющееся животное

Примерно 13,5 миллиарда лет назад появились материя, энергия, время и пространство: произошел Большой взрыв. Историей этих фундаментальных явлений Вселенной занимается физика.

Через 300 тысяч лет от начала своего бытия материя и энергия начали образовывать между собой сложные комплексы – атомы, а те стали комбинироваться в молекулы. Историей атомов, молекул и их взаимодействий занимается химия.

Примерно 3,8 миллиарда лет назад на планете Земля некие молекулы соединились в большие и сложные структуры – организмы. Историю органической жизни изучает биология.

Примерно 70 тысяч лет назад организмы, принадлежащие к виду *Homo sapiens*, породили нечто еще более изощренное – мы это называем культурой. И дальнейшей судьбой человеческих культур интересуется собственно наука история.

Ход человеческой истории определили три крупнейшие революции. Началось с когнитивной революции, 70 тысяч лет назад. Аграрная революция, произошедшая 12 тысяч лет назад, существенно ускорила прогресс. Научная революция – ей всего-то 500 лет – вполне способна покончить с историей и положить начало чему-то иному, небывалому. В этой книге рассказывается о том, как три революции отразились на людях и на других живых существах – верных спутниках людей.

* * *

Люди существовали задолго до начала истории. Животные, весьма схожие с современными людьми, впервые появились 2,5 миллиона лет тому назад, однако на протяжении бесчисленных поколений они никак не выделялись среди миллиардов иных существ, с которыми делили места обитания.

На прогулке по Восточной Африке пару миллионов лет назад вы могли бы наткнуться на вполне привычную сценку: нежные матери прижимают к груди младенцев, беззаботные ребятишки играют в грязи, пылкая молодежь возмущается диктатом условностей, а усталые старики просят оставить их в покое; мачо колотят себя кулаками в грудь, стремясь произвести впечатление на местную красотку, мудрые матриархи глядят на происходящее и знают, что все это они уже видели не раз. Те древние люди умели играть и любить, между ними складывались прочные отношения, они боролись за власть и статус – но так же вели себя и шимпанзе, бабуины, слоны. Люди ничем не отличались от животных. Никто, и в первую очередь сами люди, не мог бы предугадать, что их потомки пройдутся по Луне, расщепят атом, разгадают генетический код и создадут летописи. Это нужно обязательно помнить, когда мы обсуждаем доисторического человека: он был самым обычным животным и оказывал на экологическую среду не большее влияние, чем гориллы, жуки-светляки или медузы.

Биологи распределяют организмы по родам и видам. Животные одного вида (species) могут совокупляться друг с другом, давая плодовитое потомство. У лошадей и ослов имеется близкий общий предок и есть немало общих черт, однако они почти не проявляют взаимного сексуального интереса. Их можно принудить к половому акту, и в результате появится потомство – мулы, но потомство бесплодное. Значит, лошади и ослы принадлежат к разным видам. И напротив, бульдог и спаниель с виду непохожи, но они охотно спариваются, а их отпрыски смогут повязаться с другими собаками и породят следующее поколение щенков. Бульдоги и спаниели, таким образом, принадлежат к одному виду – это собаки.

Виды, происходящие от общего предка, объединяются в род *(genus).* Львы, тигры, леопарды и ягуары – разные виды рода *Panthera.* Биологи дают живым организмам двойные латинские названия, первое имя обозначает род, второе – вид. Например, львы – *Panthera leo*, то есть вид *leo* рода *Panthera.* По всей вероятности, любой читатель этой книги – *Homo sapiens*, то есть принадлежит к виду *sapiens* (разумный) рода *Homo* (человек).

Роды в свою очередь объединяются в семейства – например: кошачьи (львы, гепарды, домашние кошки), собачьи (волки, лисы, шакалы) или слоновые (слоны, мамонты, мастодонты). Все члены семейства могут проследить свою родословную до некоего родоначальника. Так, все кошки, от крошечного домашнего котенка до свирепого льва, восходят к единому предку, жившему примерно 25 миллионов лет назад.

И *Homo sapiens* тоже принадлежит к особому семейству, хотя долго и упорно держал этот факт в строжайшей тайне. *Homo sapiens* предпочитал воображать себя единственным в своем роде, отделенным от прочих животных, – сиротой, без сестер и братьев, без сводных и двоюродных, главное же – без родителей. Но это заблуждение. Хотите или не хотите, мы – члены большого шумного семейства больших обезьян (высших приматов). Среди ныне живущих наши ближайшие родственники – шимпанзе, гориллы, орангутанги и гиббоны, из них ближе всего нам шимпанзе. Всего 6 миллионов лет назад у одной обезьяны родились две дочери. Одна стала предком всех ныне живущих шимпанзе, вторая доводится прапрапра- и так далее бабушкой нам.

Скелеты в шкафу

Homo sapiens скрывает секрет и помрачнее: у нас не только имеется множество диких родственников, но были некогда родные братья и сестры. Мы присвоили себе наименование «человек», но когда-то род «человек» включал в себя несколько видов. Люди – то есть животные из рода *Homo* – появились в Восточной Африке примерно 2,5 миллиона лет назад как ветвь более древнего рода обезьян *Australopithecus*, то бишь «южных обезьян». А два миллиона лет назад часть древних мужчин и женщин покинули родину и отправились блуждать по обширным пространствам Северной Африки, Европы и Азии, где и расселились. Поскольку для выживания в заснеженных лесах Северной Европы требовались иные качества, чем для существования в душных джунглях Индонезии, человеческие популяции развивались в разных направлениях, и в результате появились разные виды, каждому из которых ученые придумали пышное латинское название.

В Европе и Западной Азии закрепился *Homo neanderthalensis* (человек из долины Неандер), обычно именуемый попросту «неандертальцем». Неандертальцы, более плотного и мускулистого сложения, чем современные люди, удачно приспособились к холодному климату Европы ледникового периода. На острове Ява обитал *Homo soloensis* (человек из долины Соло), более приспособленный к жизни в тропиках. На другом индонезийском острове, маленьком островке Флорес, поселились существа, которых теперь популярная пресса склонна сравнивать с хоббитами. Эти вооруженные копьями карлики ростом не выше метра весили в среднем 25 килограммов, но в отваге им не откажешь. Они охотились даже на местных слонов – впрочем, и слоны тут были карликовые. Открытые пространства Азии осваивал *Homo erectus* (человек прямоходящий), и этот самый устойчивый вид человека продержался там более 1,5 миллиона лет.

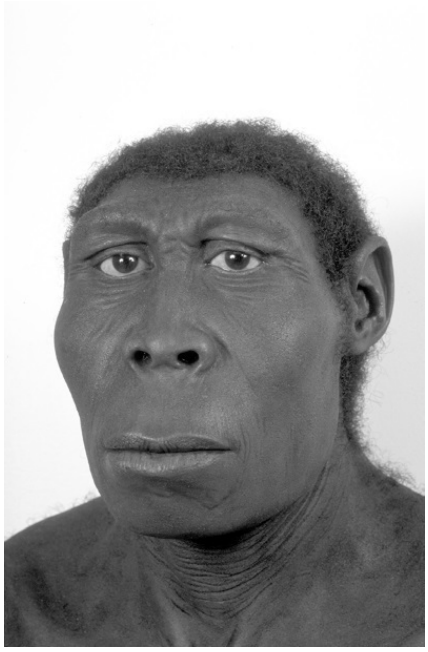
В 2010 году из пучин забвения вернулся еще один утраченный братец: при раскопках Денисовой пещеры в Сибири обнаружилась окаменевшая фаланга пальца. Генетический анализ доказал, что палец принадлежит неведомому прежде виду человека, который и назвали соответственно денисовским человеком, *Homo denisova.* Кто знает, сколько еще забытых роди-

чей дожидается, пока их обнаружат – в других пещерах, на островах, в иных климатических зонах!

Пока эти виды людей развивались в Европе и Азии, в Восточной Африке тоже продолжалась эволюция. Колыбель человечества взращивала все новые виды, в том числе *Homo rudolfensis* (человек с озера Рудольф), *Homo ergaster* (человек работающий) и в итоге наш собственный вид, который мы без ложной скромности окрестили *Homo sapiens* (человек разумный).

Некоторые виды людей удались крупными, другие были карлики. Имелись среди них бесстрашные охотники и робкие собиратели растительной пищи. Кто-то обитал исключительно в пределах одного острова, а кто-то осваивал целые континенты. Но все это были представители рода *Homo*, иными словами – человечества.

Популярно заблуждение, будто все эти виды сменяли друг друга как преемники: эргастер порождает эректуса, эректус – неандертальца, а от неандертальца ведем род мы с вами. Линейная модель создает ложное ощущение, будто в каждый момент времени на Земле обитал лишь один человеческий вид и все древние виды представляют собой устаревшие модели современного человека.

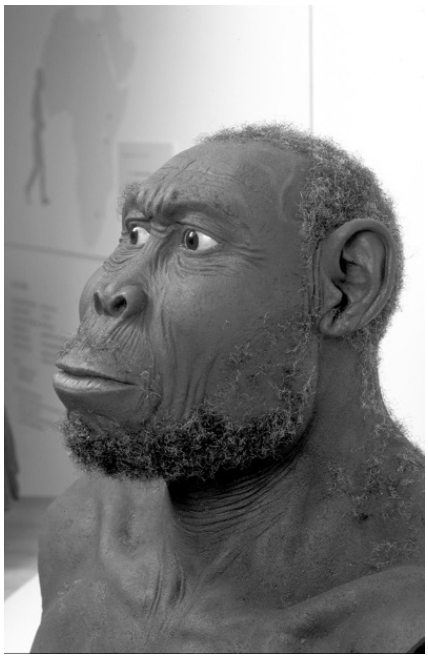

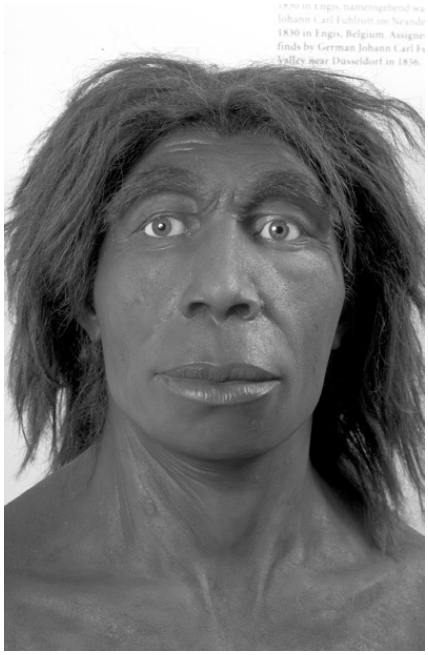
Наши ближайшие родственники (современная предположительная реконструкция, слева направо): Homo rudolfensis (Восточная Африка, 2 миллиона лет назад); Homo erectus (Азия, 2 миллиона – 50 тысяч лет назад) и Homo neanderthalensis (Европа и Западная Азия, 400 – 30 тысяч лет назад). Всё это человеческие существа

На самом деле почти два миллиона лет – примерно до VIII тысячелетия до н. э. – несколько человеческих видов существовало одновременно. Собственно, почему нет? Живут же сейчас многие виды лис, медведей и свиней. Сто тысячелетий тому назад по Земле разгуливало по меньшей мере шесть видов человека. Исключением из правил (исключением, которое бросает на нас зловещую тень подозрения) является как раз нынешняя эксклюзивность, а не разнообразное прошлое. Скоро мы убедимся в том, что у *Homo sapiens* есть причины подавлять любое воспоминание о вымерших собратьях.

Цена разума

При всех различиях у разновидностей человечества имеются ярко выраженные общие черты. Прежде всего люди по сравнению с другими животными имеют непропорционально большой мозг. У млекопитающих весом в 60 килограммов средний объем мозга – 200 кубических сантиметров, но шестидесятикилограммовый *Homo sapiens* «вырастил» себе мозг объемом 1200–1400 кубических сантиметров. 2,5 миллиона лет назад у первых мужчин и женщин мозг был поменьше, но все равно значительно больше, чем, скажем, у леопарда того же веса. И по мере развития человечества диспропорция нарастала.

Нам-то кажется, что едва ли стоит ломать голову над вопросом, почему эволюция поощряла этот самый мозг. Мы в восторге от своего интеллекта и убеждены, что чем голова больше и умнее, тем лучше. Но будь это безусловной истиной, кошачьи тоже произвели бы потомство, способное заниматься матанализом. Почему из всего животного царства один лишь род *Homo* обзавелся столь массивным и сложным мыслительным аппаратом?

На самом деле чем больше мозг, тем больше затраты для всего тела. Таскать его повсюду за собой нелегко, особенно вместе с массивным черепом. Еще труднее этот мозг прокормить. У *Homo sapiens* 2–3% общего веса приходится на мозг, но в состоянии покоя мозг потребляет до 25 % всей расходуемой телом энергии. Для сравнения: у других приматов мозг в состоянии покоя довольствуется всего лишь 8 % общих резервов. Древние люди дорого платили за увеличенный мозг: во-первых, они тратили больше времени на поиски пищи, а во-вторых, у них слабели мышцы. Словно правительство, направляющее деньги на развитие образования, а не армии, люди отнимали энергию у бицепсов и отдавали ее нейронам, а это не лучшая стратегия для выживания в саванне. Ученый спор с человеком шимпанзе не выиграет, а вот разодрать его на части может запросто.

Но все же чем-то это было выгодно, иначе мозговитые не дали бы еще более мозговитое потомство. Каким же образом мозг компенсировал уменьшение физической мощи? В век Альберта Эйнштейна такой вопрос может показаться наивным, но ведь Эйнштейн – явление современной эпохи, а на протяжении двух миллионов лет, пока нейронные сети в голове человека росли и усложнялись, похвастаться люди могли разве что кремневыми ножами и заостренными палками. Эволюция человеческого мозга – загадка еще более удивительная, чем появление бесполезного павлиньего хвоста или рогов, обременяющих голову оленя. Ради чего все это? По правде говоря, нам неведомо.

Другая уникальная человеческая черта – прямохождение. Поднявшись с четверенек, удобнее обозревать саванну, высматривая добычу или врага. Руками, не участвующими в передвижении, можно делать разные вещи, например бросать камни или подавать сигналы сородичам. Чем больше функций привыкли выполнять руки, тем благоприятнее складывалась жизнь обладателя этих рук, а потому эволюция поощряла появление все большего количества нервов и чутких мышц в ладонях и пальцах. В результате человек научился делать руками сложнейшие вещи, а главное – создавать изощренные инструменты и пользоваться ими. Первые свидетельства использования орудий появляются 2,5 миллиона лет назад. Именно производство и применение орудий считаются определяющим признаком, по которому археологи опознают древних людей.

Прямохождение, кроме плюсов, имеет и минусы. Скелет наших предков-приматов развивался на протяжении миллионов лет с учетом потребностей существа, которое бегает на четвереньках и имеет сравнительно небольшую голову. Приспособиться к прямохождению оказалось не так-то просто, да еще на вершине всей этой конструкции приходилось удерживать непропорционально большой череп. За способность видеть вдаль и за умелые руки человечество по сей день расплачивается болями в шее и мигренями.

Женщины заплатили вдвойне. Прямохождение сузило бедра, а значит, и родовые пути, в то время как головы младенцев увеличились. Смерть в родах сделалась основной опасностью для самок нашего вида. Женщины, рожавшие младенцев недоношенными, пока череп еще сравнительно невелик и мягок, имели больше шансов на выживание и производили на свет больше детей. Таким образом, естественный отбор начал поощрять преждевременные роды. На фоне других животных человеческие младенцы рождаются «недопеченными»: многие жизненно важные системы у них еще не развиты. Жеребенок вскоре после рождения готов бежать рысью, месячный котенок может расстаться с матерью и сам добывать себе пищу, а дитя человеческое еще много лет остается беспомощным, зависимым от старших, которые его кормят, защищают и обучают.

Это обстоятельство привело к развитию у человека необычайных социальных свойств – и к появлению столь же уникальных социальных проблем. Одинокая мать не в состоянии прокормить себя и потомство, если ей приходится еще и нянчиться с беспомощными малышами. В деле воспитания детей требовалась существенная помощь родичей и соседей. Вырастить человека способно только племя или община. Эволюция благоприятствовала тем, кто научился формировать прочные социальные связи. Кроме того, поскольку человеческие детеныши появляются на свет недоразвитыми, они в гораздо большей степени поддаются воспитанию и социализации, чем другие животные. Млекопитающие по большей части появляются из утробы уже готовыми, как кувшин из печи для обжига: попытайся заново сформовать такой сосуд, и ты его сломаешь или поцарапаешь. Дети же выходят из материнского лона подобные расплавленному стеклу – крути их, вытягивай, придавай форму, делай все, что захочешь. Мы можем вырастить ребенка христианином или буддистом, приверженцем капитализма или социализма, войны или мира.

* * *

Большой мозг, умение пользоваться орудиями, высокую способность к обучению и сложные социальные структуры мы считаем безусловными преимуществами. Кажется несомненным, что именно они превратили человека в царя природы. Однако человек пользовался этими преимуществами на протяжении 2 миллионов лет, оставаясь при этом довольно слабым, чуть ли не маргинальным существом. Все виды людей, расселившихся от Индонезии до Иберийского полуострова, не насчитывали и миллиона особей, и жизнь их точнее было бы назвать прозябанием. Они пребывали в постоянном страхе перед хищниками, им редко удавалось убить крупную дичь, существовали они главным образом за счет растительной пищи, а также ловили насекомых и мелких животных и обгладывали падаль, оставленную более сильными и проворными.

Древние каменные орудия использовались главным образом для того, чтобы разбивать кости и добираться до мозга. Некоторые ученые считают, что такова и была экологическая ниша человека. Подобно тому как дятел специализируется на извлечении насекомых из древесных стволов, так и древние люди специализировались на извлечении костного мозга. Почему именно на этом? Что ж, представьте себе: на ваших глазах стая львов затравила и сожрала жирафа. Вы терпеливо ждете в сторонке. После львов настает черед гиен и шакалов – вам и с ними драться не по силам. Они обгладывают кости, и только тогда человеческое племя решается подойти к скелету. Люди настороженно оглядываются по сторонам и принимаются за то, что им осталось.

Это ключ к пониманию истории и психологии человека. До недавних пор род *Homo* занимал не верхнее, а скорее среднее положение в пищевой пирамиде. На протяжении миллионов лет люди охотились на мелких животных и собирали что под руку попадется, стараясь избегать встреч с крупными хищниками. Лишь 400 тысяч лет назад люди начали регулярно охотиться на крупных зверей, и только в последние 100 тысяч лет, с появлением *Homo sapiens*, мы стали верхним звеном этой пирамиды.

Последствия столь стремительного прыжка из промежуточного и зависимого положения на вершину оказались колоссальными. Человек не привык находиться на командной высоте, он к ней не приспособлен. Другие животные, оказавшиеся в итоге на вершине пирамиды – львы, акулы, – шли к этому миллионы лет, а человек попал наверх почти мгновенно. Многие исторические катастрофы, в том числе разрушительные войны и насилие над экосистемой, проистекают из нашего слишком поспешного прорыва во власть. Человечество – не стая волков, завладевшая вдруг танками и атомными бомбами, скорее мы – стадо овец, которое в силу

непонятной прихоти эволюции научилось делать и пускать в ход танки и ракеты. А вооруженные овцы гораздо опаснее вооруженных волков.

Прирожденные повара

Важным шагом на пути к вершине стало приручение огня. Мы не знаем в точности, где, когда и как это произошло. Но примерно за 300 тысяч лет до настоящего времени некоторые люди уже пользовались огнем регулярно. Он служил им надежным источником тепла и света и защитой от рыскавших вокруг львов. Прошло еще немного времени, и люди от обороны перешли к нападению, появилось первое массовое производство – умышленное выжигание лесов. Дождавшись, когда огонь отбушует, предприниматели каменного века проходили по дымящемуся пожарищу, собирая обугленные тушки животных, орехи, клубни. Так человек научился осваивать территорию: удачно направленное пламя превращало непроходимые и скудные пищей леса в луга, полные заманчивой добычи. Но главное, что делал огонь, – готовил пищу.

Освоив искусство готовить, человек распахнул двери в еще не освоенные отделы супермаркета, предоставляемого нам природой. Многие виды пищи, которые мы не могли бы усвоить в сыром виде – пшеница, рис, картофель, – в готовом превратились в основу нашего существования. Огонь изменил не только химический состав нашей еды, но и биологический. Жар убивает микробов и паразитов, которыми кишит мясо; людям стало легче разжевывать и переваривать свои традиционные лакомства, такие как фрукты, орехи, насекомые и падаль. Шимпанзе тратят на еду по пять часов в день, питаясь всухомятку, а человек съедает гору термически обработанной пищи меньше чем за час.

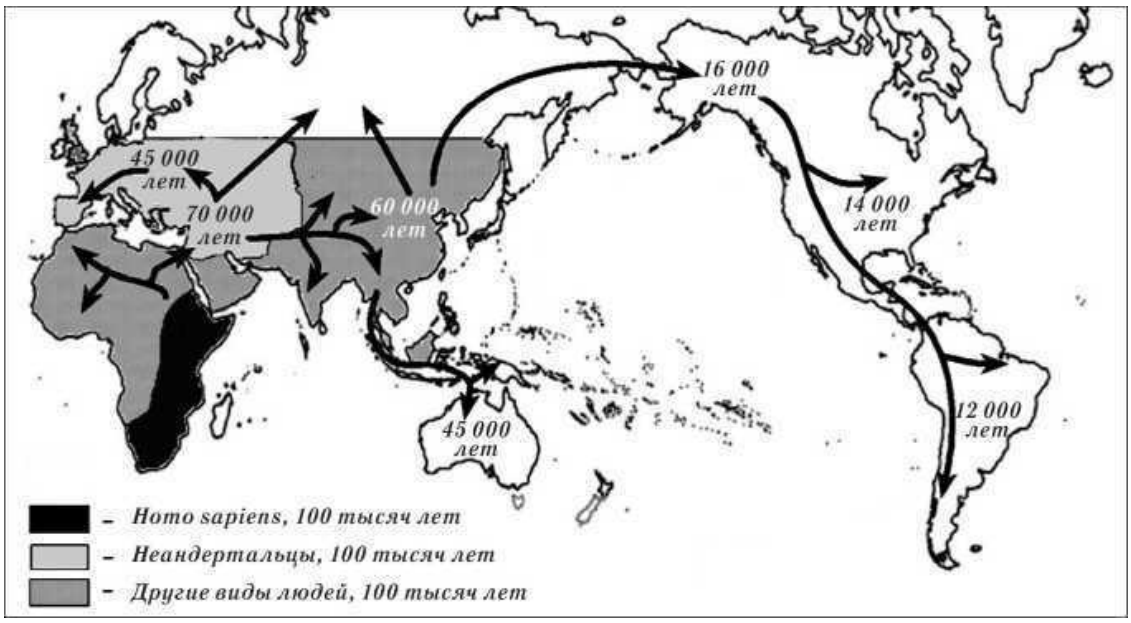
Научившись готовить, человек смог использовать новые виды продуктов, он стал тратить меньше времени на еду, ему уже не нужны стали мощные коренные зубы и длинный кишечник. Некоторые ученые видят прямую связь между освоением огня, сокращением длины кишечника и увеличением размера мозга: и длинный кишечник, и большой мозг требуют много энергии, а потому организму затруднительно содержать их обоих. Сократив длину кишечника и снизив потребление энергии, человек получил возможность «отрастить» те огромные мозги, которыми славятся неандерталец и *Homo sapiens*[1].

Освоение огня создало первую пропасть между человеком и прочими животными. Все животные зависят только от своего тела – от крепости мускулов, размера зубов, размаха крыльев. Они умело используют воздушные и морские течения, однако не умеют управлять силами природы и изначально ограничены особенностями своего физического строения. Так, орлы ловят поднимающиеся от земли теплые воздушные потоки, раскрывают огромные крылья и позволяют течению поднять себя ввысь, но орел не распределяет воздушные потоки так, как ему удобнее, и максимальная подъемная сила всегда точно пропорциональна размерам его крыла.

Когда люди овладели огнем, они получили в свое распоряжение управляемый и практически неограниченный ресурс. В отличие от орла человек сам решает, где и когда зажечь огонь, и он научился использовать его в самых разных целях. Самое главное: сила огня отнюдь не определяется формой, устройством или мощью человеческого тела. Слабая женщина, имея кремень и кресало или горящую палку, способна за несколько часов сжечь лес. Освоение огня стало предвестием будущего: это был первый шаг к созданию атомной бомбы, и не такой уж маленький шаг.

Сторож брату своему

Когда появились первые *Homo sapiens* и где они жили? Вместо однозначного ответа мы располагаем множеством противоречивых теорий. Однако большинство исследователей сходятся в том, что 150 тысяч лет назад в Восточной Африке уже обитали, как они выражаются, «современные с анатомической точки зрения люди». Если бы один из этих людей попал на стол современного морга, патологоанатом не заподозрил бы никакой странности. Ученые также вычислили, что примерно 70 тысяч лет назад *Homo sapiens* перебрался из Восточной Африки в Аравию, откуда человеческая популяция быстро распространилась по основной части Евразийского континента.

История покорения планеты (числа – время появления Homo sapiens, до наших дней)

Когда *Homo sapiens* добрался до Аравии, большая часть Евразии уже была населена другими видами людей. Что произошло с ними?

Существуют две взаимоисключающие теории. Теория межвидового скрещивания повествует о сексуальном притяжении, общении и смешивании. Мол, пришельцы из Африки, разбредаясь по всему миру, брали себе в подруги всех красоток, каких видели по пути. В итоге различные популяции *Homo sapiens* унаследовали кое-что от местных генов, и этим объясняются различия в наших физических и умственных характеристиках.

Противоположная теория – теория вытеснения – рассказывает совсем иную историю: несовместимости, отвращения, а то и геноцида. Новенькие из Африки отнюдь не сочли туземцев привлекательными. Или же, если совокупление и происходило, оно не давало потомства, способного продолжить род, потому что накопились уже непреодолимые генетические отличия. А может быть, пришельцы попросту убивали неприятных, на их взгляд, конкурентов всюду, где натыкались на них. В таком случае древние популяции исчезли, не оставив генетического следа в клетках современного человека, и тогда родословную любого ныне живущего человека можно проследить до той замкнутой группы предков, которая 70 тысяч лет назад вышла из Восточной Африки.

От исхода этого спора зависит многое. С эволюционной точки зрения 70 тысяч лет – очень короткий срок. Если верна теория вытеснения, то у всех людей на Земле должна быть одна и та же генетическая наследственность, а расовые отличия ничтожны. Если же верна

теория скрещивания, то генетические отличия между африканцами, европейцами и азиатами могут оказаться гораздо более древними, им многие сотни тысяч лет. Расисты порадовались бы, доказав, что современные индонезийцы обладают уникальными генами *floresiensis,* а у китайцев выделен набор генов вида *erectus.*

Научные данные пока не позволяют сделать однозначный вывод: все время появляются новые находки и проводятся новые эксперименты, так что мнение экспертов колеблется то в одну, то в другую сторону. Яблоко раздора – неандертальцы. Они были физически сильнее наших предков, лучше приспособлены к холодному климату, а по размерам мозга ничуть нам не уступали. Они пользовались орудиями труда и огнем, были умелыми охотниками и, по-видимому, хоронили умерших и заботились о слабых и больных сородичах. Археологи обнаружили скелеты неандертальцев, сумевших достичь солидного возраста, несмотря на тяжелую инвалидность, то есть им кто-то помогал. Но когда в область проживания неандертальцев вторгся *Homo sapiens*, туземная популяция отступила, а со временем исчезла. Последние известные нам неандертальцы (те, чьи кости удалось найти) жили на юге Испании примерно 30 тысяч лет назад. В рамках эволюции это, можно сказать, вчера.

Согласно теории межвидового скрещивания, когда *Homo sapiens* проник в земли неандертальцев, у сапиенсов[1] и неандертальцев начало появляться потомство, в котором и слились оба вида. Если дело обстояло так, то неандертальцы не исчезли: нынешние евразийцы – отчасти неандертальцы. Сторонники теории замещения отвергают такую гипотезу: по их мнению, анатомия сапиенсов и неандертальцев не так уж близка, у них, вероятно, были разные брачные игры и даже запахи не совпадали. Сомнительно, что они проявляли такого рода интерес друг к другу. И если бы даже Ромео-неандерталец полюбил Джульетту из семьи сапиенсов или сапиенс Соломон обзавелся неандертальским гаремом, их дети вряд ли могли бы иметь детей. Две популяции все равно не слились бы воедино, а когда неандертальцы вымерли, с ними погибло и их генетическое наследие.

В последние десятилетия господствовала теория вытеснения. В ее пользу говорила большая часть археологических находок, и она соответствовала требованиям политкорректности (никому не хотелось открывать ящик Пандоры, давая расистам аргумент в пользу принципиального отличия между современными расами человечества). Но в 2010 году эта теория потерпела сокрушительное поражение: были опубликованы результаты четырехлетнего исследования генома неандертальца. Генетики собрали с ископаемых костей достаточно материала, чтобы сопоставить современного человека и его увальня-предшественника. Результаты ошеломили научное сообщество. Оказалось, что 4 % генов современного населения Ближнего Востока и Европы принадлежит неандертальцам. Не так уж много, но и не пренебрежимо мало. Второе потрясающее открытие было сделано несколько месяцев спустя, при анализе пальца из Денисовой пещеры: до 6 % уникальных человеческих генов, содержащихся в этой окаменелости, присущи также современным меланезийцам и аборигенам Австралии!

[1] Далее я буду называть представителей вида *Homo sapiens* просто сапиенсами. – *Прим. авт.*

Замечательная реконструкция облика ребенка-неандертальца. Генетические данные указывают на то, что, возможно, неандертальцы (по крайней мере, некоторые) были светлокожими блондинами

Если эти результаты надежны (следует помнить, что исследования продолжаются и предварительные выводы еще предстоит подтвердить или скорректировать), то теория скрещивания хотя бы отчасти верна. Однако при этом вовсе не исключается и теория вытеснения. Поскольку неандертальцы и обитатели Денисовой пещеры поделились с современным человеком лишь небольшой частью своих генов, полного «слияния» сапиенсов с другими видами людей все же не произошло. И хотя отличия между ними оказались не настолько велики, чтобы препятствовать появлению жизнеспособного потомства, все же совокупления представителей разных видов происходили редко (вполне вероятно, это были акты насилия). Происходило скрещивание и смешение, но отнюдь не слияние.

Однако если неандертальцы не были ассимилированы сапиенсами, то куда же они делись? Возможный ответ: они исчезли, не выдержав конкуренции с *Homo sapiens.* Представим себе: сапиенсы являются в балканскую долину, где сотни тысяч лет жили неандертальцы. Пришельцы начинают охотиться на оленей, собирать орехи и ягоды, которыми всегда питались местные жители. И охотники, и собиратели они более ловкие, чем неандертальцы, располагают продвинутыми технологиями и лучше организованны, а потому быстро размножаются и захватывают новые территории. Не столь изобретательные неандертальцы уже не могут толком прокормиться. Популяция сокращается и постепенно вымирает.

Существует и другая гипотеза: конкуренция из-за ресурсов привела к насилию и геноциду. Терпимостью сапиенсы никогда не отличались. В современной истории достаточно было ничтожного отличия в цвете кожи, диалекте или религии, чтобы одна группа сапиенсов начинала истреблять другую. Проявили бы древние сапиенсы большую терпимость к совершенно чуждому виду людей? Представляется вполне вероятным, что, наткнувшись на неандертальцев, сапиенсы провели первую и самую радикальную этническую чистку в своей мрачной истории.

Так или иначе, неандертальцы оставили нам первое историческое «если бы». Попробуйте вообразить, как бы изменилась история, если бы неандертальцы продолжали жить бок о бок с *Homo sapiens.* Какие культуры, какие общества, какие политические структуры сложились бы в мире, где сосуществовали бы разные человеческие виды? Как бы, к примеру, развивались религии? Провозгласила бы Книга Бытия неандертальцев потомками Адама и Евы, умер бы Христос во искупление неандертальских грехов, предусмотрел бы Коран места на небе для

всех праведных независимо от вида? Смогли бы неандертальцы служить в римских легионах, в разветвленной бюрократии Китая? Провозгласила бы американская Декларация независимости как самоочевидную истину: «все члены рода *Homo* сотворены равными»? Призвал бы Карл Маркс объединяться пролетариев всех человеческих видов?

За последние 30 тысяч лет мы так привыкли к статусу единственного человеческого вида на Земле, что с трудом представляем себе иные возможности. В отсутствие братьев и сестер легче вообразить себя венцом творения, подчеркивая огромную дистанцию между нами и животным царством. Когда Чарлз Дарвин намекнул, что человек принадлежит к животным, его современники пришли в ярость, да и поныне многие отказываются в это верить. А если бы неандертальцы выжили, мы бы все равно воображали себя особыми созданиями? А может быть, потому-то наши предки и стерли родичей с лица земли: слишком похожих, чтобы их игнорировать, слишком иных, чтобы их терпеть?

* * *

Так или иначе, по вине ли сапиенсов или это случилось само собой, но вскоре после их появления в новых местах прежние тамошние обитатели вымерли. Самые поздние из обнаруженных *Homo soloensis* жили 50 тысяч лет тому назад. Вскоре, примерно через 10 тысяч лет, исчез и *Homo denisova.* Неандертальцы сошли со сцены около 30 тысяч лет назад. Последние «хоббиты» бродили по острову Флорес 12 тысяч лет назад. От них остались кости, каменные инструменты, несколько генов в нашей ДНК и множество вопросов без ответов. Некоторые ученые питают надежду когда-нибудь в чаще непроходимых индонезийских джунглей повстречать живое и действующее сообщество этих карликов, но скорее всего мы опоздали тысячелетий на десять.

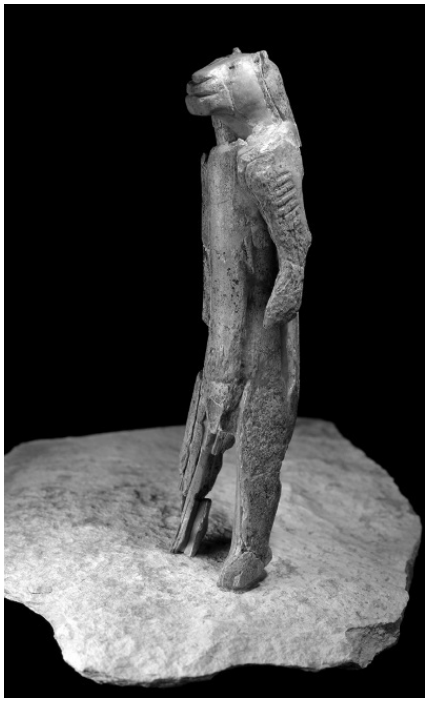
В чем причина победоносных успехов сапиенса? Как мы ухитрились столь стремительно обустроиться в отдаленных друг от друга и экологически несхожих регионах? Как сумели вытеснить во тьму забвения все остальные виды людей? Почему не устоял перед нашим натиском даже крепкий, мозговитый, не боявшийся холода неандерталец? Споры не затихают. И в качестве самого вероятного ответа называют то, что делает возможным саму эту дискуссию. *Homo sapiens* покорил мир, потому что обладал таким уникальным инструментом, как язык.

Глава 2
Древо познания

Сапиенсы, жившие сто тысяч лет назад в Восточной Африке, не отличались от нас анатомическим строением, и мозг их был таким же, как наш, и по размеру, и по форме. Но можно ли предположить, что они думали и говорили как мы? Косвенные доказательства свидетельствуют: еще нет. Эти сапиенсы не создавали сложных орудий, не произвели ничего выдающегося и в целом не могли похвастаться какими-либо заметными преимуществами перед другими видами людей. Когда некоторые из них около ста тысяч лет назад перебрались в Левант, на территорию, освоенную неандертальцами, закрепиться там они не смогли. То ли местные жители оказали сопротивление, то ли климат не подошел, то ли организм не адаптировался к местным паразитам – так или иначе, сапиенсы отступили, позволив неандертальцам безраздельно господствовать на Ближнем Востоке.

Эта неудача позволяет предположить, что в ту пору внутреннее устройство мозга сапиенса отличалось от нынешнего. Выглядели эти люди уже как мы, но их когнитивные способности – умение узнавать новое, запоминать, общаться – были намного меньше. Попытка научить древнего сапиенса английскому языку, внушить ему христианские истины или объяснить теорию эволюции оказалась бы делом безнадежным. Но и нам непросто было бы освоить его язык и понять образ мыслей.

Но где-то между 70 и 30 тысячами лет назад *Homo sapiens* стал совершать довольно неожиданные поступки. Примерно 70 тысяч лет назад большие отряды сапиенсов вторично вышли из Африки. На этот раз они не только вытеснили неандертальцев и прочих родственников с Ближнего Востока, но вскоре вовсе смели их с лица земли. За поразительно короткий период сапиенсы добрались до Европы и Восточной Азии. 45 тысяч лет тому назад они преодолели океан и высадились в Австралии, на берегу, где прежде не ступала нога человека. Люди изобрели лодки, масляные лампы, лук со стрелами и иголку (то есть научились шить теплую одежду). Первые предметы, которые мы с уверенностью можем идентифицировать как ювелирные изделия и произведения искусства, датируются этим же периодом, и тогда же появляются неопровержимые свидетельства существования религии, торговли и социального расслоения.

Статуэтка «человека-льва» (или «женщины-львицы») из пещеры Штадель в Германии (30 тысяч лет тому назад). Человеческое туловище увенчано головой льва. Первое неоспоримое произведение искусства и доказательство способности человеческого разума воображать вещи, которых в реальности не существует

Большинство исследователей считает, что эти небывалые достижения стали плодом когнитивной революции: люди, составившие успешную конкуренцию неандертальцам, заселившие Австралию, вырезавшие из слоновой кости штадельского человекольва, уже думали и говорили как мы. Познакомившись с художниками из пещеры Штадель, мы смогли бы изучить их язык, а они – наш. Мы бы сумели объяснить им все, что мы знаем, – от приключений Алисы в Стране чудес до парадоксов квантовой физики, а они бы рассказали нам, каким мир представляется им.

Когнитивной революцией называется появление в период между 70 и 30 тысячами лет назад новых способов думать и общаться. Что спровоцировало такую революцию? Этого мы в точности не знаем. Наиболее распространенная теория утверждает, что случайные генетические мутации изменили внутреннюю «настройку» человеческого мозга и сапиенсы обрели умение думать и общаться, используя словесный язык. Можно именовать это мутацией Древа познания. Почему мутация произошла в генах сапиенса, а не в генах неандертальца? Чистой воды случайность, насколько мы можем судить. Но важнее осмыслить не причины мутации Древа познания, а последствия. В чем особенность новообретенного языка сапиенса, почему с ним мы завоевали мир?

Это был не первый язык на Земле. Свой язык есть у каждого вида животных. Даже насекомые, пчелы, муравьи довольно сложным образом общаются, информируя друг друга об источниках пищи. Не был язык человека и первым звуковым языком. Многие животные, в том числе все большие и малые обезьяны, общаются с помощью голосовых сигналов. Например, язык зеленых мартышек состоит из разнообразных возгласов. Зоологи сумели расшифровать некоторые из них: «Осторожно! Орел!» (и другой, похожий: «Осторожно! Лев!»). Когда исследователи проигрывали мартышкам запись первого крика, обезьяны прекращали свои занятия и с тревогой смотрели в небо, когда же они слышали второй клич, то поспешно карабкались на деревья. Сапиенсы умели издавать более отчетливые звуки, чем зеленые мартышки, но подоб-

ными способностями отличаются и слоны, и киты. Попугаи могут передразнивать все производимые человеком звуки, а также и многие другие: звонок телефона, стук двери, завывание сирен. Так чем же так необычен наш язык?

Чаще всего в качестве основного преимущества человеческого языка упоминается его гибкость. Соединяя в различные комбинации небольшое количество звуков и жестов, мы можем сочинить неисчерпаемое количество предложений с самыми разными смыслами. Это значит, что мы можем воспринимать, хранить и передавать невероятное количество информации об окружающем мире. Зеленая мартышка способна предупредить товарок: «Осторожно! Лев!» – но человек может рассказать друзьям, что он видел льва нынче утром возле излучины, лев гнался за бизонами. Человек может уточнить все подробности: где он видел льва, какими путями можно подойти к тому месту. Получив эту информацию, люди могут еще и посоветоваться, не прогнать ли им льва подальше от реки и не продолжить ли охоту на бизонов самим.

Вторая теория соглашается с первой в том, что уникальный язык человека развился как средство передавать информацию об окружающем мире, однако настаивает на том, что важнейшая информация касалась не львов и бизонов, а самих людей. Язык, гласит эта теория, родился из любви посплетничать. *Homo sapiens* – животное общественное. Мы выживаем и размножаемся благодаря постоянному взаимодействию. Людям недостаточно знать, где бегают львы и бизоны, им гораздо важнее выяснить, кто в племени кого ненавидит, кто с кем спит, кто надежен, а на кого положиться нельзя.

Количество информации, которую нужно приобрести и хранить, чтобы разбираться в постоянно меняющихся отношениях нескольких десятков человек, растет по экспоненте. (Уже в компании из 50 человек насчитывается 1225 индивидуальных взаимоотношений и огромное количество более сложных комбинаций.) Все обезьяны живо интересуются социальной информацией, но сплетничать им затруднительно. Вероятно, неандертальцам и древним сапиенсам тоже было непросто судачить у кого-нибудь за спиной. Хотя эта склонность человека обычно подвергается осуждению, она чрезвычайно важна для налаживания сотрудничества в больших коллективах. Новые лингвистические навыки, приобретенные сапиенсами 70 тысяч лет тому назад, позволили им сплетничать часами. Надежная информация насчет того, кто заслуживает доверия, а кто нет, помогала маленьким группам объединяться в большие, и у сапиенсов развивались все более сложные и тесные формы сотрудничества[2].

Теория сплетен может показаться шуткой, однако многочисленные исследования ее поддерживают. Даже сегодня основную часть нашего общения – переписки по электронной почте, звонков, газетных колонок – составляют сплетни. Сплетни для нас столь естественны, что может показаться, будто наш язык и был предназначен для этого. Или вы думаете, что во время обеда преподаватели истории обсуждают причины Первой мировой войны, а физики-ядерщики в перерыве научной конференции спорят о кварках? Да, порой случается. Но чаще они сплетничают о профессорше, которая уличила мужа в измене, о ссоре между главой кафедры и деканом и о том, что коллега истратил научный грант на покупку «лексуса». Обычно сплетня сосредотачивается на недостатках и дурных поступках. Сплетники являются предками четвертой власти – журналистов, которые предостерегают общество и тем самым уберегают его от мошенников и паразитов.

* * *

Скорее всего, верны обе теории, и «там-лев-у-реки», и теория сплетен. Но уникальность нашего языка заключается не в способности передавать информацию о людях и львах, а в способности сообщать о таких вещах, которых мы никогда не видели, не слышали и не нюхали. Насколько нам известно, только сапиенсы умеют обсуждать вещи гипотетические и даже противоречащие фактам.

Легенды, мифы, боги, религии появились в результате когнитивной революции. Многие животные, в том числе различные виды людей, и раньше умели предупреждать: «Осторожно! Лев!» Благодаря когнитивной революции *Homo sapiens* научился говорить что-то вроде: «Лев – дух-хранитель нашего племени». Способность обсуждать вымысел – наиболее удивительное свойство языка сапиенсов. Этот язык можно поэтому назвать языком вымысла.

Сам факт, что только *Homo sapiens* умеет говорить о несуществующем в реальности и готов поверить в шесть невероятных вещей перед завтраком, бесспорен. Вы не уговорите мартышку поделиться с вами бананом, посулив ей сколько угодно бананов после смерти, в раю для мартышек. Но почему так важен вымысел? Ведь он вводит в заблуждение, отвлекает от реальности. Слушать сказки о героях древности, грезить об эльфах и единорогах, молиться несуществующим духам-хранителям – не напрасная ли потеря времени, не лучше ли потратить драгоценные часы на добывание пищи, борьбу с врагами или совокупление? Разве, забивая себе голову фантазиями, человек не становится менее пригоден для жизни в реальном мире? Но язык вымысла позволил человеку не просто отдаться игре воображения, а делать это всем коллективом. Мы научились сплетать общую для всех мифологию: библейскую историю творения, сказания австралийских аборигенов о предначальных временах, националистические мифы современных государств. Общая мифология наделила сапиенсов небывалой способностью к гибкому сотрудничеству в больших коллективах. Муравьи и пчелы тоже сотрудничают огромными коллективами, но они это делают по жестким, раз и навсегда заданным правилам, притом лишь внутри своей «семьи». У волков и шимпанзе сотрудничество строится на гораздо более гибких принципах, однако лишь с небольшим числом близко знакомых сородичей. Сапиенсы же способны легко кооперироваться с любым числом незнакомцев. Вот почему миром управляют сапиенсы, муравьи подбирают наши объедки, а шимпанзе сидят в клетках зоопарков и научных лабораторий.

Легенда Peugeot

Наши родичи – шимпанзе – обычно живут небольшими стаями из нескольких десятков особей. У них формируются прочные привязанности, друзья охотятся вместе, сражаются плечом к плечу против бабуинов, гепардов и шимпанзе-чужаков. В стае существует сложная иерархия. Главу – как правило это самец – мы называем альфа-самцом. Остальные выражают ему почтение, кланяясь и бормоча, точь-в-точь как подданные перед монархом. Альфа-самец поддерживает в своем царстве социальную гармонию: если двое его подданных подерутся, он вмешается и прекратит безобразие. За эту свою общественно полезную деятельность альфа щедро вознаграждает себя лучшими кусками пищи и не подпускает к своим самкам конкурентов.

Когда два самца вступают в спор за доминирование, каждый формирует в стае коалицию приспешников – и мужского, и женского пола. Узы между членами коалиции скрепляются ежедневным интимным общением: объятиями, поглаживаниями, поцелуями, выкусыванием блох и взаимными услугами. Члены коалиции помогают друг другу в беде. Альфа-самец обычно добивается верховенства не благодаря физическому превосходству, но благодаря своей более крупной и устойчивой коалиции.

Размеры группы, которая может быть сформирована и управляема одним самцом, строго ограничены: группа функциональна лишь до тех пор, пока все ее члены хорошо знают друг друга. Два шимпанзе, впервые увидевшие друг друга, никогда не ухаживавшие друг за другом и не боровшиеся друг с другом, не знают, можно ли доверять этому незнакомцу, стоит ли ему помогать и кто из них рангом выше. По мере того как число особей в группе приближается к критической величине, порядок нарушается, и в конце концов стая распадается, а часть ее членов формирует новую.

В естественных условиях группа шимпанзе насчитывает от 20 до 50 особей. Если группа чересчур разрастается, то возникает нестабильность; лишь крайне редко биологам удавалось наблюдать группы свыше 100 обезьян. Исследователи описали затяжные войны между группами и даже явления «геноцида», когда одна группа систематически истребляет членов другой[3].

Подобным образом, вероятно, была устроена и жизнь древних людей, в том числе первых *Homo sapiens.* Социальный инстинкт побуждает людей, как и шимпанзе, заводить дружеские связи и устанавливать иерархию: наши предки тоже охотились и сражались сообща. Однако социальные инстинкты древнего человека, как и у шимпанзе, распространялись только на маленькую группу. Стоило группе слишком разрастись, как социальные связи в ней нарушались и она распадалась. Даже если какая-нибудь плодородная долина могла прокормить 500 древних сапиенсов, столько чужаков никоим образом не могли ужиться друг с другом: как бы они договорились, кому быть вожаком, кому где охотиться и кому с кем совокупляться?

В результате когнитивной революции сапиенсы начали объединяться в более крупные и стабильные группы. Значительную роль тут сыграло умение сплетничать. Но и у сплетни есть свои ограничения. Социологические исследования показали, что предел «естественных» размеров группы, которую объединяет сплетня, – около 150 особей. Люди не могут сблизиться более чем со 150 представителями своего вида и с удовольствием посплетничать о них.

Даже сегодня критический порог для организационной деятельности человека ограничен примерно этим магическим числом. В таких пределах компании, социальные сети, общественные организации и военные подразделения могут действовать на основе близкого знакомства и сплетен. Нет надобности в формальной иерархии, званиях и правилах поддержания порядка[4]. Взвод из 30 солдат и даже рота из 100 может отлично функционировать благодаря своим внутренним связям, не нуждаясь во внешней дисциплине. Пользующийся уважением сержант становится «королем», и к нему прислушиваются даже офицеры. Семейный бизнес будет развиваться и процветать без совета директоров, гендиректора и бухгалтерии.

Но стоит преодолеть порог в 150 человек, и прежние структуры перестанут работать. Невозможно управлять дивизией из тысяч солдат, словно взводом. Успешный семейный бизнес сталкивается с кризисом, когда разрастается и приходится нанимать много сотрудников. Если в этот момент не удается перестроиться, компания обычно разоряется.

Как же *Homo sapiens* ухитрился перешагнуть этот порог, создать города, в которых жили десятки тысяч людей, империи, которые насчитывали сотни миллионов? Тут-то и пригодился язык вымысла. Огромные массы незнакомых друг с другом людей способны к успешному сотрудничеству, если их объединяет миф.

Любое широкомасштабное человеческое сотрудничество – от современного государства до средневековой церкви, античного города и древнего племени – вырастает из общих мифов, из того, что существует исключительно в воображении людей. Два католика, в жизни друг друга не видевшие, могут вместе отправиться в крестовый поход или собирать средства на строительство госпиталя, потому что оба верят, что Бог воплотился в человеке и позволил себя распять, чтобы искупить наши грехи. Государства опираются на национальные мифы. Два незнакомых серба понимают друг друга, поскольку оба верят в существование сербского народа, сербской отчизны и сербского флага. Корпорации выстраивают собственные экономические мифы. Два незнакомых друг с другом сотрудника *Google* эффективно работают вместе, потому что оба верят в существование *Google*, акций и долларов. Судебные системы живут за счет единых юридических мифов. Два незнакомых юриста найдут общий язык: они оба верят в существование законов, справедливости и прав человека.

Но все это существует лишь внутри тех историй, которые люди придумывают и рассказывают друг другу. В реальности нет богов, наций и корпораций, нет денег, прав человека и законов, и справедливость живет лишь в коллективном воображении людей.

Все знают, что первобытные племена скрепляли свой социальный строй верой в призраков и духов; они собирались в полнолуние на совместные ритульные пляски вокруг костра. Но мы склонны не замечать, что точно так же устроены и наши современные организации. Взять хотя бы корпоративный мир. Современные бизнесмены и юристы – могущественные шаманы. Вся разница между ними и древними шаманами сводится к тому, что современные юристы рассказывают куда более странные истории. Хорошим примером может послужить легенда о *Peugeot.*

* * *

Фигура, немного напоминающая штадельского льва, красуется на легковых автомобилях, грузовиках и мотоциклах, которые можно встретить по всему миру – от Парижа до Сиднея. Эта эмблема украшает продукцию *Peugeot*, старейшего и крупнейшего в Европе автопроизводителя. Начиналась компания со скромного семейного бизнеса в деревне Валентиньи, в 300 километрах от пещеры Штадель. Ныне в ней числится около двухсот тысяч сотрудников, разбросанных по всему миру и в большинстве своем друг с другом не знакомых. И эти незнакомцы столь дружно и эффективно работают, что в 2008 году компания произвела более 1,5 миллиона автомобилей и заработала около 55 миллиардов евро.

Лев Peugeot

В каком смысле мы говорим о существовании *Peugeot* SA (так официально именуется компания)? Автомобилей *Peugeot* мы видим вокруг сколько угодно, однако ведь не саму компанию. Даже если бы все автомобили *Peugeot* одновременно отправились в металлолом, *Peugeot* SA не исчезла бы. Она продолжала бы производить новые машины и публиковать ежегодные отчеты. Компания владеет заводами, станками, демонстрационными салонами, нанимает меха-

ников, бухгалтеров и секретарей, но и это имущество, и эти люди в совокупности тоже не есть *Peugeot.* Если бы стихийное бедствие сгубило всех служащих *Peugeot*, снесло и сборочные цехи, и офисы, все равно компания могла бы взять кредит, пригласить новых сотрудников, построить заводы, купить необходимое оборудование. Компания имеет руководство и акционеров, но и они не есть компания. Всех менеджеров можно уволить, все акции продать, а компания сохранится.

Из этого отнюдь не следует, будто *Peugeot* SA неуязвима и бессмертна. Если судья вынесет постановление о закрытии компании, то заводы никуда не денутся, рабочие, бухгалтеры, менеджеры и акционеры останутся в живых, а вот *Peugeot* SA перестанет существовать. Короче говоря, *Peugeot* SA, по-видимому, не укоренена в материальном мире. Существует ли она на самом деле?

Peugeot – это фикция, порожденная коллективным воображением. Слово «фикция» обозначает нечто вымышленное, то, что существует именно благодаря нашему общему согласию вести себя так, словно оно действительно существует. Юристы так и называют это явление: «юридическая фикция». Материальной реальности тут можно и не искать, но компания существует в качестве юридического лица. Как вы и я, она подчиняется законам тех государств, где оперирует. Она вправе открыть банковский счет, владеть собственностью. Она платит налоги и может отвечать перед судом по гражданскому и даже по уголовному делу самостоятельно, то есть отдельно от людей, которые работают в ней или являются ее владельцами.

Peugeot принадлежит к особой разновидности юридической фикции: «компания с ограниченной ответственностью». Это одно из самых изощренных человеческих изобретений. Многие тысячелетия *Homo sapiens* ничего подобного не знал. На протяжении почти всей известной нам истории собственностью могли владеть лишь реальные люди, из плоти и крови, – те, кто крепко стоял на ногах и имел соответствующий размер мозга. Если во Франции в XIII веке некий Жан открывал мастерскую по производству карет, он и его бизнес представляли собою практически одно целое. И если бы сколоченная им карета разломалась через неделю после продажи, недовольный покупатель подал бы в суд именно на Жана. Если бы Жан занял у кого-то тысячу золотых, чтобы начать дело, и в результате обанкротился, ему пришлось бы продавать свое личное добро, лишь бы расплатиться. Дом, корову, землю, а может быть, и родных детей. Если бы этого не хватило на покрытие издержек, власти могли посадить Жана в долговую яму или же кредиторы могли обратить его в рабство. Он нес полную, неограниченную ответственность за любые обязательства, которые приняла на себя мастерская.

В ту пору человеку приходилось дважды – да нет, больше раз подумать, прежде чем начать бизнес. Подобная юридическая система не способствовала развитию предпринимательства. Люди опасались открывать собственное дело, брать на себя финансовые риски – ведь в случае провала всей семье грозило разорение и даже утрата свободы.

Вот почему со временем люди и создали этот продукт коллективного воображения – компанию с ограниченной ответственностью. По закону такая компания отделена от людей, которые ее основали, и от тех, которые вложили в нее деньги или же ею руководят. За последние столетия именно такие компании стали лидерами в экономике, мы привыкли к ним и стали забывать, что они существуют лишь в нашем воображении. В США такого рода компании именуются «корпорациями» – забавно, ведь происходит этот термин от латинского *corpus* – «тело», но физического тела у корпорации как раз и нет. Что не мешает американской судебной системе обходиться с корпорациями как с субъектами права: в этом смысле они приравнены к настоящим, из плоти и крови, людям.

Так действовала и французская судебная система, когда в 1896 году Арман Пежо, унаследовавший от родителей металлургический завод по производству пружин, пил и велосипедов, решился выпускать автомобили и основал компанию с ограниченной ответственностью. Компанию он назвал собственным именем – и тем не менее она была от него независимой. Если

у кого-то ломалась машина, огорченный покупатель мог судиться с *Peugeot.* Но не с Арманом. И если бы компания, набрав в кредит миллионы, обанкротилась, сам Арман Пежо не был бы должен кредиторам ни франка, ведь заем получила компания *Peugeot*, а не *Homo sapiens* Арман Пежо. *Peugeot*-человек умер в 1915 году. *Peugeot-компания* здравствует до сих пор.

Каким же образом человек по имени Арман Пежо создал *Peugeot*, юридически оформленную компанию? В сущности, тем же способом, каким во все века священники и жрецы создавали богов и демонов, а тысячи французских кюре поныне каждое воскресенье предъявляют своим прихожанам Тело Христово: в основе этих чудес – фикция, которую люди приняли, в которую поверили. Когда католический священник, облаченный в предписанные обрядом одежды, торжественно произносит в определенный момент положенные слова, обычные с виду облатка из теста и вино превращаются в плоть и кровь Христа. Священник провозглашает: *«Hoc est corpus meum!»* («Сие есть тело мое!»), и – фокус-покус – облатка превращается в плоть. Миллионы французских католиков ведут себя так, будто Бог действительно присутствует в освященных вине и хлебе.

Для *Peugeot* SA ключевым сюжетом стал закон, принятый французским парламентом. С точки зрения французского права, если имеющий лицензию юрист выполнит должным образом всю ритуальную последовательность действий, напишет правильные заклятия и заклинания на специально оформленном листе бумаги и скрепит своей подписью с завитушками, то – фокус-покус – появится новая компания. Когда в 1896 году Арман Пежо надумал основать компанию, он заплатил юристу за все эти священные процедуры. И поскольку юрист осуществил все предписанные ритуалы, написал и произнес все положенные заклятия, то миллионы французских граждан поверили в раздвоение Пежо на прежнего Армана-человека и на новенькую компанию *Peugeot* SA, к которой они стали относиться со всем подобающим такой корпорации почтением.

Сочинить жизнеспособный сюжет не так-то просто. Жрецы и священники должны были хорошо разбираться в возможностях, предпочтениях и даже капризах бесчисленных богов, духов и демонов. Например, если во время засухи заклинатель хотел вызвать дождь, прежде всего ему требовалось знать, какое божество контролирует погоду. Можно ли, к примеру, выпросить дождь у владыки морей или же за это отвечает исключительно покровитель ветра? Чтобы выяснить это, колдун всматривался в мифы, в различные истории, которые его племя рассказывало о богах. Сходным образом, когда юристу нужно разобраться в правах и обязанностях компании с ограниченной ответственностью, он изучает набор правил, составленных его обществом (правда, свод этих сюжетов, «предпринимательское право», куда скучнее мифов). Юристы, занимающиеся предпринимательским правом, подробно, изо дня в день, изучают такие сюжеты и бесконечно дискутируют с коллегами, имеет ли корпорация такое-то или такое-то конкретное свойство или нет. Например, может ли она владеть территорией? Может ли вести войны? Монополизировать какую-то отрасль?

* * *

Все это стало возможно благодаря развитию языка воображения: с его помощью мы представляем себе и описываем явления, существующие исключительно внутри наших рассказов. И штадельский человеколев, и компания *Peugeot* сделаны не из атомов, не из живых белков, а из вымысла. За века и тысячелетия люди научились сочинять чрезвычайно сложные сюжеты. В этой сети мифов фикции, подобные *Peugeot*, не только существуют, но и накапливают неслыханную мощь – они гораздо сильнее льва или целой львиной стаи. Однако вне такой сети их существование невозможно. Если бы все сапиенсы дружно утратили способность обсуждать то, чего не существует в реальности, компания *Peugeot* исчезла бы во мгновение ока, а с ней вместе биржи, религии, государства, деньги и права человека.

В научных кругах такие явления, которые порождаются мифами и иными сюжетами, именуются «фикциями», «социальными конструктами» или «воображаемыми реальностями». Воображаемая реальность – вовсе не ложь. Солгать – значит сказать, что у реки ты видел льва, когда на самом деле ты прекрасно знаешь, что никакого льва там нет. Сама по себе ложь – даже не привилегия сапиенсов. Зеленые мартышки уличены во лжи: они испускают клич, предупреждающий о приближении льва, когда никакого льва нет и в помине. Отпугнув таким образом сородича, только-только подобравшегося к банану, лжец завладевает лакомством.

В отличие от лжи, воображаемая реальность есть то, во что верят все, и пока эта общая вера сохраняется, выдумка обладает вполне реальной силой. Скорее всего, штадельский скульптор искренне верил в человека-льва, духа-хранителя племени. Среди шаманов попадаются шарлатаны, но большинство из них искренне верят в существование богов и демонов, а большинство миллионеров столь же искренне верят в существование денег и компаний с ограниченной ответственностью. Правозащитники обычно верят в права человека, и, когда в 2011 году ООН потребовала от ливийского правительства соблюдения прав человека в стране, это никто не воспринял как ложь, хотя и ООН, и Ливия, и права человека – всего лишь плод нашего богатого воображения.

Обойти геном

Способность создавать воображаемую реальность из слов позволяет множеству незнакомых друг с другом людей работать вместе. Даже более того: поскольку широкомасштабное сотрудничество основано на мифе, способ сотрудничества можно изменить, изменив сам миф, то есть рассказав иной сюжет. В определенных обстоятельствах мифы меняются очень быстро. В 1789 году французы чуть ли не за ночь переключились с мифа о божественном праве королей на другой миф – о власти, принадлежащей народу. Со времен когнитивной революции сапиенсы обрели способность быстро пересматривать свое поведение, приспосабливая его к меняющимся нуждам. Таким образом культурная эволюция перешла на полосу обгона, обойдя заторы на пути эволюции генетической. На этой полосе *Homo sapiens* быстро опередил и прочих животных, и другие виды людей именно в способности к сотрудничеству.

Шимпанзе и слоны при всем их разуме и смекалке революций не совершают. Шимпанзе от природы склонны жить в группе из нескольких десятков особей во главе с альфа-самцом. Близкие их родственники, мелкие бонобо, также соединяются в группы, где присутствуют и самки, и самцы, однако вожаком обычно становится самка. У слонов самки вместе с отпрысками объединяются в матриархальные стада, а взрослые самцы живут поодиночке. Не все определяется ДНК: на поведение животных также влияют окружающая среда и личные вкусы. Тем не менее в стабильных условиях животные одного вида ведут себя достаточно предсказуемо. Заметные перемены в поведении, как правило, происходят в связи с генетическими мутациями. Самки шимпанзе не берут примера с бонобо и не затевают феминистических революций. Самцы шимпанзе не созывают конституционных собраний, дабы свергнуть альфа-самца и провозгласить отныне и навек равенство всех особей в группе. Для подобных радикальных перемен сначала понадобилась бы генная мутация.

По тем же причинам не совершали переворотов и древние люди. Насколько мы можем судить, изменение социального уклада, изобретение технологий, освоение новых земель всегда оказываются следствием генных мутаций и влияния окружающей среды, а не культурной инициативы. Сотни тысяч лет понадобились людям на первые шаги. Два миллиона лет назад генная мутация привела к появлению нового вида человека, *Homo erectus.* Человек прямоходящий создал новую, более эффективную технологию каменных орудий труда, которая и считается главным достижением этого вида. Но пока в генах *Homo erectus* не произошли очередные изменения, каменные орудия оставались неизменными – и так миллион с лишним лет!

И напротив, после когнитивной революции сапиенсы научились быстро корректировать свое поведение и передавать новые навыки следующим поколениям – для этого им уже не требовалось ни генетических мутаций, ни перемен в окружающей среде. Наглядный пример – складывающиеся в разных культурах бездетные элиты, такие как католические и буддистские монахи, китайские бюрократы-евнухи. Сам факт существования подобных элит противоречит фундаментальным принципам естественного отбора, ведь господствующие члены общества добровольно отказываются от права на потомство. У шимпанзе альфа-самец использует свое преимущество именно для того, чтобы совокупляться со всеми (или почти всеми) самками и таким образом передавать свои гены большей части детенышей, а католический альфа-самец воздерживается от секса и деторождения. Этот отказ объясняется не специфическими условиями окружающей среды, такими как недостаток пищи или потенциального партнера, не вызван он и прихотями генетической мутации. Католическая церковь прожила уже немало веков, передавая от иерарха к иерарху не «ген целибата», а Новый Завет и каноническое право.

Альфа-самец у католиков отказывается от половой жизни и выведения потомства, хотя этой жертвы не требуют ни экологические, ни генетические факторы

Иными словами, если архаические виды человека сохраняли усвоенное поведение на протяжении сотен тысяч лет, то сапиенсы способны изменить социальный уклад, характер межличностных отношений, экономическую деятельность и другие формы поведения за десять-двадцать лет. Можно изменить воображаемую реальность католической церкви, *Peugeot*, племени охотников и собирателей, вовсе не меняя при этом ДНК всех поголовно христиан, всего штата сотрудников *Peugeot* или всех членов племени. И в этом оказался ключ к успеху *Homo sapiens.* В драке один на один победителем, скорее всего, вышел бы неандерталец, но в споре сотен и тысяч у неандертальцев не было бы и доли шанса. Неандерталец умел сообщать своим сородичам, где таится лев, но не умел передавать – и перекраивать – предания о духах предков. Поскольку неандертальцы не обладали способностью сочинять – они не могли и эффективно сотрудничать большими группами, приспособить социальное поведение к быстро меняющимся обстоятельствам.

Мы не сумеем проникнуть в мозг неандертальца и выяснить, как он мыслил, но косвенным свидетельством ограниченности его когнитивных способностей по сравнению с сапиенсами мы располагаем. При раскопках поселений сапиенсов в глубине европейского материка (примерно 30-тысячелетней давности) археологи натыкаются порой на раковины со средиземноморского и атлантического побережья. Так далеко от моря ракушки могли попасть лишь

благодаря торговле или обмену между различными племенами сапиенсов. В поселениях неандертальцев не обнаружено и следа подобной деятельности: каждая группа создавала инструменты лишь из подручного материала[5].

Другой пример находим в южной части Тихого океана. Племена сапиенсов, обитавшие на острове Новая Ирландия, к северу от Новой Гвинеи, изготавливали высокопрочные и острые инструменты из вулканического стекла – обсидиана. Однако на этом острове нет природных источников обсидиана. Лабораторный анализ показал, что обсидиан, из которого жители Новой Ирландии делали свои инструменты, доставлялся с другого острова – Новой Британии – за 400 километров[6]. Значит, среди островитян были опытные моряки, плававшие по морю на достаточно большое расстояние. А если сапиенсы обменивались ракушками и обсидианом, они тем более могли передавать друг другу информацию, расширяя таким образом сеть знаний, – ничего подобного у неандертальцев и других древних не было.

Следует также указать на различия в технике охоты. Неандертальцы охотились по большей части в одиночку или небольшими группами, а сапиенсы выработали технику, основанную на взаимодействии десятков соплеменников, а порой и нескольких племен. Особенно эффективным оказался такой прием: полностью окружить стадо диких животных и загнать в узкое ущелье, где с ними гораздо легче справиться. Если этот план удавалось осуществить, то за полдня общими усилиями люди получали тонны мяса, жира и множество шкур. Археологи обнаружили места, где такие облавы устраивались ежегодно. Сооружались даже заборы и другие препятствия, искусственные ловушки и специальные площадки для забоя.

Вероятно, неандертальцы не очень-то радовались, когда их охотничьи угодья превратились в принадлежащие сапиенсам скотобойни. Однако, если это недовольство привело к конфликту, шансов у неандертальцев было не больше, чем у диких лошадей. Полсотни неандертальцев, взаимодействующих по традиционному, статичному плану, – отнюдь не соперники пятидесяти практичным, изобретательным сапиенсам. И даже если в первом раунде сапиенсы проигрывали, они быстро придумывали новые уловки и побеждали в матче-реванше.

ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ КОГНИТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Теория	Какая уникальная способность человека порождена когнитивной революцией?	Преимущества
Там-у-реки-лев	Способность передавать большие объемы информации об окружающем мире	Возможность планировать и осуществлять сложные действия, например спасаться от львов и охотиться на бизонов
Сплетни	Способность передавать большие объемы информации об отношениях между сапиенсами	Возможность создавать большие и сплоченные группы числом до 150 членов
Язык вымысла	Способность передавать большие объемы информации о не существующих в реальности вещах, таких как духи племени, государства, компании с ограниченной ответственностью или права человека	А. Возможность сотрудничества большого числа незнакомых друг с другом людей. Б. Быстрая адаптация социального поведения

История и биология

Из огромного разнообразия изобретаемых сапиенсами реальностей и не меньшего разнообразия обусловленных этими воображаемыми реальностями форм поведения складывается то, что мы нынче именуем «культурами». Любая культура с самого момента своего возникновения непрерывно меняется и развивается, и это вечное движение мы называем «историей».

Когнитивная революция – тот момент, когда история расходится с биологией. Дальше в рассказе о развитии человечества биологические теории сменяются историческим повествованием. Чтобы осмыслить торжество христианства или Французскую революцию, недостаточно просчитать взаимодействие атомов, молекул или организмов – нужно учитывать взаимодействие идей, образов и фантазий.

Это не означает, что человек и его культура освободились от биологических законов. Мы как были животными, так и остались, наши физические, эмоциональные и когнитивные способности по-прежнему определяются нашей ДНК. Наши общества складываются из тех же кирпичиков, что и племя неандертальцев или шимпанзе, и чем внимательнее мы изучаем эти кирпичики – ощущения, чувства, семейные узы, – тем меньше видим различий между собой и приматами.

Однако напрасно искать отличия на уровне индивидуума или семьи. Если сравнивать одну человеческую особь или даже десяток с равным числом шимпанзе, сходство окажется даже несколько смущающим. Существенные отличия проступают лишь начиная с 150 членов племени или сообщества, на уровне же 1000–2000 индивидуумов разница бросается в глаза. Если заманить тысячи шимпанзе в здание нью-йоркской биржи, на стадион «Янки», в Капитолий или в штаб-квартиру ООН, начнется невообразимое столпотворение. Но сапиенсы регулярно собираются в подобных местах тысячами и десятками тысяч. Они организуют торговые сети, массовые мероприятия и политические институты – все то, что не может функционировать в изоляции. Подлинное отличие человека от шимпанзе – этот таинственный клей, соединяющий большие группы людей, от семьи до нации. Он-то и сделал человека царем всего живого.

Конечно, сыграли свою роль и другие навыки, в частности, умение изготавливать и использовать инструменты. Но от инструментов было бы мало проку, если бы люди не научились сотрудничеству. Откуда у нас взялись межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками, если 30 тысяч лет назад имелись только палки с кремневыми наконечниками? Чисто биологическая способность изготавливать инструменты за прошедшие тысячелетия ничуть не изменилась – Альберт Эйнштейн вряд ли превзошел бы по этой части древнего охотника-собирателя. Зато поразительно возросла способность взаимодействовать с незнакомыми людьми. Мастер-одиночка мог произвести кремневый наконечник копья за несколько минут, если пользовался помощью и советами двух-трех товарищей. Для изготовления ядерной боеголовки требуется сотрудничество миллионов людей во всем мире, начиная с тех, кто добывает из земных недр уран, и заканчивая физиками-теоретиками, которые своими длинными формулами описывают процессы, происходящие внутри атома.

* * *

Подведем итоги – как соотносятся биология и история после когнитивной революции.

А. Биология задает базовые параметры поведения и развития *Homo sapiens*. История разворачивается внутри заданных биологией рамок.

Б. Эти рамки, однако, чрезвычайно широки и позволяют сапиенсам играть в самые разные игры. Благодаря языку воображения сапиенсы изобретают все более сложные игры, каждое поколение дополняет их, и таким образом продолжается развитие.

В. Чтобы понять поведение сапиенсов, нужно рассмотреть историческую эволюцию их действий. Если бы мы обсуждали только биологическую сторону, это выглядело бы как радиорепортаж с мундиаля, когда комментатор описывает лишь футбольное поле, никак не поясняя действия игроков.

В какие же игры играли на исторической арене наши предки в каменном веке? Насколько нам известно, около 30 тысяч лет тому назад создатели штадельского человекольва обладали теми же физическими, эмоциональными и интеллектуальными качествами, что и мы. Как они вели себя, проснувшись поутру? Что ели на завтрак и что на обед? Каким было их общество? Существовал ли у них моногамный брак и семья? А обряды, моральные нормы, спортивные состязания и религиозные ритуалы? А войны? Следующая глава – это попытка заглянуть за завесу тысячелетий, чтобы увидеть, какой была жизнь в тысячелетие между когнитивной и аграрной революциями.

Глава 3
Один день из жизни Адама и Евы

Чтобы понять нашу природу, историю и психологию, нужно проникнуть в голову охотников и собирателей каменного века. Период охоты и собирательства составляет большую часть истории сапиенсов. Последние 200 лет, когда все большее число сапиенсов добывает хлеб свой насущный работой на заводах и в офисах, и предшествовавшие им 10 тысяч лет, когда сапиенсы были земледельцами и пастухами, являются мгновением по сравнению с десятками тысячелетий, на протяжении которых наши предки охотились и собирали растительную пищу.

Эволюционная психология утверждает, что многие современные психологические и социальные особенности человека сформировались в тот длительный период истории до эпохи сельского хозяйства. Наш мозг и мысли до сих пор соответствуют жизни охотой и собирательством. Наши пищевые привычки, наши конфликты и наша сексуальность – все обусловлено взаимодействием мозга охотника и собирателя с нынешней постиндустриальной средой, мегаполисами, самолетами, телефонами и компьютерами. Эта среда обеспечивает нас такими материальными благами и такой продолжительностью жизни, о какой прежние поколения и не мечтали, но мы испытываем стресс, чувствуем отчуждение, впадаем в депрессию. Чтобы понять, отчего так происходит, нужно попытаться погрузиться в тот мир охотников и собирателей, который нас сформировал. В мир, в котором так и застряло наше подсознание.

Почему, к примеру, мы такие толстые? Современные богатые страны безуспешно борются с ожирением. Мы едим, едим и едим, даже когда не нуждаемся в подкреплении сил. Хуже того, мы обжираемся самой соленой, сладкой, жирной, высококалорийной пищей, до какой только можем добраться. Эта загадка решается, если вспомнить пищевые привычки наших предков. В саванне и в лесу, где они обитали, высококалорийные сладости попадались чрезвычайно редко, да и вообще с едой было не очень. 30 тысяч лет назад собиратель знал лишь один вид десерта – спелые фрукты. Если женщина каменного века набредала на фиговое дерево, гнущееся под тяжестью урожая, самым разумным было съесть как можно больше плодов прямо на месте, пока до них не добрались бабуины. Инстинкт, побуждающий впихивать в себя высококалорийную пищу, сидит у нас в генах. Даже если теперь мы живем в роскошных апартаментах со всеми удобствами, где холодильник набит под завязку, наша ДНК все еще думает, что мы бегаем по саванне. Вот что заставляет нас выскребать до последней ложечки ведерко шоколадного пломбира и запивать кока-колой.

Теория «обжорного гена» ныне общепринята, но есть и другие, пока обсуждаемые теории. Например, некоторые эволюционные психологи считают, что древние собиратели не жили моногамными семьями, а собирались своего рода коммунами, где отсутствовали понятия частной собственности, единобрачия и даже отцовства. В такой группе женщина могла наслаждаться близкими отношениями и сексом одновременно с несколькими мужчинами (и даже с женщинами). В воспитании детей участвовало все племя. Поскольку мужчины не могли отличить своих детей от неродных, они равно заботились обо всех.

Подобная социальная структура – не утопия эры Водолея. Она широко распространена у животных, в том числе у наших ближайших родичей, шимпанзе и бонобо. По наблюдениям антропологов, до сих пор существуют изолированные культуры, где практикуется коллективное отцовство. Согласно поверьям таких обществ, ребенок рождается не от спермы конкретного мужчины, а от аккумулируемой в женской утробе спермы многих партнеров. И хорошая мать старается вступить в половую связь с выдающимися членами племени, особенно в период беременности, чтобы ребенок унаследовал и ловкость лучшего охотника, и фантазию сказителя, и силу храброго воина, и чувственность нежного любовника. Это кажется вздором?

Учтите: до появления современной эмбриологии люди не располагали доказательствами того, что ребенок рождается от единственного отца, а не от многих.

Сторонники этой теории «архаической коммуны» утверждают, что супружеские измены и высокий процент разводов, не говоря уж о множестве психических расстройств, от которых страдают и дети, и взрослые, возникают из-за того, что людей вынудили жить в малой семье и моногамных отношениях, а это не соответствует их биологической природе[7].

Многие ученые яростно опровергают подобную теорию, настаивая, что и моногамия, и семейная жизнь запрограммированы природой человека. Хотя общество древних охотников-собирателей и было более эгалитарным, чем современное, и элементы коммуны в нем имелись, но, по мнению этих исследователей, даже тогда общество делилось на отдельные ячейки, состоявшие из супружеской пары и их общего потомства. Потому, дескать, и поныне моногамные отношения и малые семьи считаются нормой в большинстве культур и повсюду мужчины и женщины ревниво цепляются за своих партнеров и детей, а в некоторых государствах – например в Северной Корее и Сирии – власть до сих пор передается от отца к сыну.

Чтобы разобраться в этом споре, следует побольше узнать об условиях, в которых жили наши предки десятки тысяч лет тому назад, между когнитивной революцией (70 тысяч лет назад) и началом сельскохозяйственной революции примерно 12 тысяч лет назад.

* * *

К сожалению, достоверными свидетельствами мы почти не располагаем. Весь спор между приверженцами «архаической коммуны» и «извечной моногамии» основан на очень небольшом количестве фактов. Письменных источников той эпохи, разумеется, нет, а археологические находки сводятся к окаменевшим костям и каменным инструментам. Артефакты, изготовленные из более хрупких материалов – дерева, тростника, кожи – сохраняются лишь при уникальном везении. Само понятие «каменный век» и представление, будто до эпохи сельского хозяйства люди не знали ничего, кроме камня, проистекает из этого археологического казуса. Гораздо точнее было бы именовать тот период «деревянным веком». Большая часть инструментов древних охотников и собирателей была сделана из дерева, однако теперь мы находим в основном каменные орудия, потому что камень сохраняется гораздо лучше, чем дерево.

Реконструировать жизнь древних людей на основании сохранившихся предметов весьма проблематично. Одно из самых очевидных отличий между тогдашними охотниками-собирателями и их потомками аграрной и индустриальной эпох заключается в том, что собиратели обходились очень небольшим количеством вещей, да и те играли в их жизни малосущественную роль. За свою жизнь гражданин развитой страны становится владельцем – постоянным или временным – миллионов изделий: от домов и машин до памперсов и молочных пакетов. Всякий род деятельности, вера или даже эмоция выражаются рядом артефактов. Скажем, наши пищевые привычки породили безумное множество предметов и институтов, от стаканов и ложек до генетических лабораторий и океанских судов. А сколько у нас игрушек, от карт до стадионов на 100 тысяч мест! Наши романтические и сексуальные отношения скрепляются кольцами, кроватями, красивой одеждой, сексуальным бельем, презервативами, модными ресторанами, дешевыми мотелями, агентствами знакомств, залами ожидания в аэропортах, свадебными залами и компаниями по доставке угощения. Религия освящает важные дни нашей жизни в готических соборах и в мечетях, в индуистских храмах и синагогах, нам требуются свитки Торы, тибетское молитвенное колесо, рясы священников, свечи и благовония, рождественские елки, маца, могильные памятники, иконы.

Мы не замечаем, сколько у нас добра, пока не придется переезжать. Наши кочевые предки меняли место обитания каждый месяц, а то и каждую неделю, даже каждый день. Закидывали мешок со всем имуществом на спину – и вперед. И ни компаний, занимающихся перевозкой,

ни транспорта, даже – на первых порах – гужевого. Соответственно, всегда иметь с собой люди могли только самое необходимое. Значит, их умственная, религиозная и эмоциональная жизнь не опиралась на артефакты. Археологи, которые будут рыться в земле через 100 тысяч лет после нас, смогут восстановить достаточно близкую к истине картину мусульманской веры и обрядов по миллионам предметов, которые они откопают на месте разрушенной мечети. Но нам сегодня затруднительно восстановить верования и ритуалы древних охотников и собирателей – это примерно так же сложно, как если бы будущий историк вздумал реконструировать общение современных подростков лишь на основе сохранившейся после них бумажной переписки – ведь от телефонных разговоров, электронных посланий, блогов и СМС не останется и следа.

Вот почему наши представления о жизни охотников и собирателей будут искажены, вздумай мы полагаться только на археологические находки. Как восполнить этот недостаток информации? Давайте присмотримся к современным примитивным обществам. Антропологи могут наблюдать их вживую. Однако следует соблюдать величайшую осторожность, экстраполируя черты современного общества собирателей в древность.

Во-первых, все подобного рода общества, сохранившиеся до современной эпохи, ощущают влияние соседствующих с ними аграрных и индустриальных обществ, а потому рискованно было бы переносить все их свойства на общества, существовавшие без подобного соседства десятки тысяч лет тому назад.

Во-вторых, современные примитивные народы уцелели главным образом на территориях с тяжелым климатом, в зонах, непригодных для земледелия. Люди, приспособившиеся к экстремальным условиям пустыни Калахари в Южной Африке, едва ли могут служить моделью для восстановления жизни древних народов в плодоносной долине реки Янцзы. Плотность населения в таких регионах, как пустыня Калахари, намного ниже, чем была в долине Янцзы даже в глубокой древности, а этот фактор существенно влияет на размер и структуру человеческих сообществ и на отношения между ними.

В-третьих, одна из самых замечательных особенностей примитивных обществ охотников и собирателей – их многообразие. Отличия наблюдаются не только между разными частями света, но и в пределах одного региона. Прекрасный пример – то разнообразие, которое наблюдали первые европейцы, ступившие на землю Австралии: к моменту британского завоевания аборигены, числом от 300 до 700 тысяч, представляли несколько сотен (от 200 до 600) племен, каждое из которых насчитывало несколько кланов[8]. Каждое племя имело свой язык, религию, общепринятые нормы и обычаи. Например, вокруг современной Аделаиды в Южной Австралии жило несколько патрилинейных кланов, отсчитывавших родство по отцовской линии. Эти кланы объединялись в племена строго по территориальному признаку.

Некоторые племена на севере Австралии, напротив, большее значение придавали происхождению по матери, и племенная принадлежность в них определялась тотемом, а не территорией.

Естественно предположить, что и среди древних охотников-собирателей царило такое же этническое и культурное разнообразие. Что те 5–8 миллионов человек, которые обитали на Земле к началу аграрной революции, делились на тысячи племен с разными языками и культурами[9]. Ведь таково наследие когнитивной революции: благодаря языку воображения даже люди с общими генами, жившие в одинаковых экологических условиях, начали создавать принципиально разные воображаемые реальности, то есть разные ценности и нормы.

Например, есть все основания считать, что племя, жившее 30 тысяч лет назад на том месте, где теперь стоит Оксфордский университет, говорило не на том языке, на котором говорили обитатели древнего Кембриджа. Одно племя могло оказаться воинственным, а другое – миролюбивым. Допустим, кембриджцы жили коммуной, а оксфордцы разбились на малые семьи. Кембриджцы (правильнее именовать их кантабригийцами), не жалея времени, выре-

зали деревянные статуи духов-покровителей, а оксонианцы воздавали тем же духам почести танцем. Первые признавали реинкарнацию, вторые считали эту концепцию вздором. В одном обществе допускались однополые отношения, в другом – строго-настрого запрещались.

Иными словами, хотя наблюдения антропологов за жизнью современных примитивных народов позволяют нам понять, какими возможностями располагали древние собиратели и охотники, на самом деле в древности горизонт возможностей[2] был гораздо шире, и почти все они ускользают теперь от нашего внимания. Пламенные дебаты вокруг «естественного образа жизни» сапиенсов упускают из виду главное: после когнитивной революции невозможно говорить о каком-то одном естественном для человека образе жизни. Есть лишь культурный выбор – среди ошеломительно богатой палитры оттенков.

Изначально благополучное общество

Какие же гипотезы о жизни в досельскохозяйственный период мы можем строить с достаточной уверенностью? Кажется вполне убедительным предположение, что подавляющее большинство жило небольшими группами из нескольких десятков, максимум нескольких сот человек и что в ту пору общество целиком состояло из людей. Важно подчеркнуть последний пункт, ибо это отнюдь не очевидность: в аграрном и индустриальном обществе большинство составляют одомашненные животные. Они, разумеется, не ровня своим хозяевам, но тем не менее тоже являются частью общества. На сегодня в Новой Зеландии проживает 4,5 миллиона сапиенсов и 50 миллионов овец.

Из указанного выше правила есть только одно исключение: собака. Пес был приручен первым, и это случилось *до* аграрной революции. Ученые расходятся в мнениях относительно точной даты, но мы располагаем неопровержимыми доказательствами присутствия собаки рядом с человеком уже 15 тысяч лет назад. Вполне возможно, что собаки присоединились к человеческой стае даже несколькими тысячелетиями ранее.

Собаки участвовали в охоте и сражениях, они предупреждали о приближении хищников или посторонних. Между человеком и собакой возникла прочная связь взаимопонимания и любви. Зачастую умерших собак хоронили с такими же церемониями, как их хозяев. Из поколения в поколение люди и собаки учились общаться и налаживать отношения. Те собаки, которые тоньше прочих угадывали потребности и желания людей, получали больше еды и заботы, то есть лучший шанс выжить. Собаки тоже учились манипулировать людьми в своих интересах. Этот насчитывающий более 15 тысяч лет союз сблизил человека и собаку так, как ни с одним другим живым существом.

[2] Горизонтом возможностей называется весь спектр верований, практик и опыта, доступных конкретному обществу, с учетом экологических, технологических и культурных условий. Любое общество и каждый человек, как правило, используют лишь малую часть своего горизонта возможностей. – *Прим. авт.*

Первый домашний питомец? Погребение, насчитывающее 12 тысяч лет (Северный Израиль, музей кибуца Маайян Барух). В нем скелет женщины возрастом около 50 лет, а рядом с ней – щенок (нижний левый угол). Его уложили рядом с головой женщины. Ее левая рука покоится на трупе собаки, словно подчеркивая эмоциональную связь между ними. Допустимы, разумеется, и другие объяснения: например, щенок мог предназначаться в дар привратнику загробного мира

Члены группы близко знали друг друга, всю жизнь они проводили в окружении родственников и друзей. Одиночество (как и укромность частной жизни) были им чужды. Вероятно, соседние группы соперничали из-за ресурсов, а то и воевали, но также вступали в дружественные отношения. Они брали друг у друга невест, вместе охотились, обменивались всякими диковинками, заключали политические союзы и справляли религиозные торжества. Такое сотрудничество – отличительный и важный признак *Homo sapiens*, этот навык дал сапиенсам решающее преимущество перед другими видами людей. Порой отношения с соседними «семействами» становились настолько тесными, что складывались единые племена с общим языком, общими мифами, нормами и ценностями.

Но не следует и переоценивать значимость подобных «международных отношений». Даже если в критических ситуациях жившие по соседству группы людей сближались и порой охотились или пировали вместе, все же основное время эти группы проводили в полной изоляции и независимости друг от друга. Торговля или обмен сводились к предметам роскоши и престижа: ракушкам, янтарю, краскам. Нет свидетельств, указывающих на обмен продуктами, фруктами или мясом или на то, чтобы какая-то группа зависела от «импорта». Столь же случайными и спорадическими были и социально-политические отношения. Еще не сложились племена в качестве постоянной политической реальности, и даже если были установлены постоянные места для встречи дружественных групп, о городах или каких-то учреждениях пока что говорить не приходится. Проходили долгие месяцы, прежде чем сапиенс встречался с кем-то за пределами своей группы, и в целом на протяжении жизни человек успевал узнать не более нескольких сотен своих сородичей. Население тонким слоем распределялось по обширным территориям. До аграрной революции население Земли не превышало населения современного Каира.

Большинство человеческих групп основную часть времени проводило в пути, перебиралось с места на место в поисках пищи. Их маршруты определялись сменой сезонов, ежегодной миграцией животных и циклами роста и созревания растений. Обычно группа странствовала по одной и той же территории площадью от нескольких десятков до многих сотен квадратных километров.

Порой эти группы выходили за пределы «своей» территории, исследовали новые земли – это происходило вследствие природных катастроф, внутренних или внешних конфликтов, демографических сдвигов или под влиянием харизматичного вождя. Так началось расселение сапиенсов по всему миру. Простая прикидка: группа охотников-собирателей примерно раз в 40 лет делится надвое, и отколовшаяся часть откочевывает километров на сто. Если все время перемещаться на восток – за 10 тысяч лет жители Африки достигнут Китая.

В редких случаях, когда обнаруживались исключительно богатые источники пищи, люди обустраивали сезонный или даже круглогодичный лагерь. Развивались техники высушивания, копчения, а в арктических областях и замораживания продуктов, что также позволяло дольше оставаться на одном месте. Еще более существенный фактор: на берегах морей и рек, изобилующих рыбой, люди строили деревни. Это были первые в истории постоянные человеческие поселения, и появились они задолго до аграрной революции, 45 тысяч лет тому назад, на островах Индонезии. Они послужили базовым лагерем, откуда *Homo sapiens* отправился за море, в Австралию.

* * *

В большинстве мест обитания человеческая стая выбирала наиболее гибкий, оптимальный способ прокормиться. Люди собирали термитов и ягоды, выкапывали коренья, ловили кроликов, охотились на бизонов и мамонтов. Большую долю калорий, витаминов и клетчатки давало собирательство. Оба способа добывать пищу нуждались в специальном инструментарии: копьях, ловушках, палках-копалках. Человеку была также необходима одежда. Сапиенсы смогли продвинуться в холодные природные зоны, даже в субарктические и арктические, только когда облачились в шкуры и меха.

Едой, материалами и одеждой потребности людей не исчерпывались: они повсюду искали знаний. Чтобы выжить, требовалось мысленно составить и хранить подробную карту местности. Ежедневные поиски пищи могли быть результативными лишь тогда, когда собиратели располагали информацией о природных циклах всех растений и повадках всех животных. Им нужно было знать, какие виды пищи наиболее сытны, от каких можно заболеть, а какие, наоборот, исцеляют. Они следили за сменой времен года и запоминали явления, указывающие на приближение грозы или засухи. Люди изучали каждый ручей, каждое дерево, каждую пещеру и все места, где добывался кремень. Учились делать каменные ножи, чинить разорванную одежду, ставить силки на кроликов, спасаться от лавины, укуса змеи и нападения голодного льва… На овладение таким множеством знаний и навыков уходили годы учения и практики. Древний охотник становился таким умельцем, что обтачивал наконечник копья за считаные минуты – редкий современный человек справляется с этой задачей: мы не знаем свойств кремня и базальта, и нашим рукам недостает ловкости, чтобы задать острию правильные углы заточки.

Иными словами, древний человек обладал гораздо более подробными, разнообразными и глубокими знаниями о своей среде обитания, чем ныне его потомки. Большинство граждан индустриальных стран прекрасно выживают в невежестве. Много ли нужно знать о природе, чтобы стать компьютерщиком, страховым агентом, преподавателем истории или рабочим на фабрике? Мы должны всерьез разбираться в собственной узкой специализации, но в большинстве вопросов – жизненно-насущных – мы слепо полагаемся на помощь других специалистов,

знания каждого из которых ограничены такими же шорами. В совокупности коллектив людей накопил сегодня гораздо больше информации, чем было у древних родов и племен, однако на индивидуальном уровне древние собиратели и охотники заслуживают звания самых эрудированных и умелых людей в истории.

Некоторые данные указывают на то, что размер мозга сапиенса после той эпохи в среднем *уменьшился*[10]. Выживание в древности требовало величайшего интеллекта. С появлением сельского хозяйства и промышленности образовались и ниши, где могли приткнуться «дурачки». Появилась возможность выжить, трудясь, например, водоносом или на конвейере, и передать другим своим «глупые» гены.

Охотники и собиратели научились превосходно управляться не только с внешним миром – животными, растениями, подручными материалами, – но и с собственным телом и его органами чувств. Они различали самые тихие шорохи – не ползет ли в траве змея? Сквозь густую листву деревьев их зоркий взгляд различал плоды, птичьи и пчелиные гнезда. Сами люди передвигались бесшумно и экономно, они умели сидеть, ходить и бегать так, чтобы тратить минимум сил с максимальной отдачей. Живя в постоянном движении, они становились крепкими, словно марафонцы, и приобретали такую гибкость, о какой современный человек не может и мечтать. Даже после многолетних занятий йогой или кунг-фу.

* * *

Образ жизни охотников и собирателей менялся в зависимости от сезона и места обитания, однако в целом их существование представляется более комфортным и приятным, чем участь пришедших им на смену земледельцев, пастухов, рабочих и офисных служащих.

Ныне в развитых странах люди работают 40–45 часов в неделю, в бедных – по 60 и даже по 80, а первобытные племена, живущие в самых негостеприимных уголках Земли, таких как пустыня Калахари, отдают труду не более 35–45 часов в неделю. Охотятся они в среднем лишь один день из трех, собирательству посвящают от трех до шести часов в день. При обычных условиях этого вполне достаточно, чтобы обеспечить себя. Вполне вероятно, что древние люди, жившие в более плодоносных регионах, чем пустыня Калахари, тратили на поиски пищи и сырья еще меньше времени. К тому же и домашними делами они не были обременены: ни грязной посуды, ни пыльных ковров, ни полов, которые требуется натирать, ни мокрых пеленок, ни оплаты счетов.

Тогдашняя экономика позволяла большинству людей жить гораздо более интересной и насыщенной жизнью, нежели живут теперь члены аграрного или индустриального общества. Сегодня китаянка, работающая на фабрике, выходит из дома в семь утра, пробирается по грязным улицам в мрачное здание и там день изо дня работает в потогонном ритме на одном и том же станке, выполняет одни и те же операции десять долгих, убивающих мысль часов. Возвращается домой к семи вечера – ее ждет грязная посуда и стирка. 30 тысяч лет назад кочевница в том же Китае выходила из лагеря вместе со своими товарками, скажем, в восемь утра. Они бродили по ближайшим лесам и полям, собирали грибы, выкапывали съедобные коренья, ловили лягушек, удирали от тигров. К середине дня они возвращались в лагерь и готовили обед. У них оставалось сколько угодно досуга на сплетни, неспешные рассказы, игру с детьми, отдых и сон. Разумеется, порой кто-то попадался на зуб тигру или погибал от змеиного укуса – зато не рисковал попасть в автомобильную аварию или пострадать от загрязнения окружающей среды.

В большинстве регионов Земли почти в любую эпоху собирательство гарантировало наилучшую для человеческого организма диету. Это неудивительно – ведь именно так человек питался на протяжении тысячелетий, и наш организм привык к подобной пище. Судя по окаменевшим костям и скелетам, наши предки не страдали от недоедания или несбалансированного питания и в среднем были выше ростом и крепче своих ближайших потомков-земледель-

цев. Средняя продолжительность жизни не превышала 30–40 лет, однако статистику портила высокая детская смертность, если же ребенок благополучно преодолевал первые, самые опасные годы, то у него появлялся неплохой шанс дожить до 60 лет, а кое-кто дотягивал и до 80. В современных племенах женщина лет 45 рассчитывает еще на 20 лет жизни, и 5–8% от общего числа соответствующей популяции составляют люди старше 60[11].

Секрет успеха заключался в чрезвычайно разнообразном рационе. Земледельцы едят меньше, и их набор продуктов чрезвычайно ограничен. Особенно в эпоху, предшествовавшую индустриальной, свои калории земледельческое население получало преимущественно из одного-единственного вида растений – пшеницы, картофеля или риса, недобирая значительной части витаминов, микроэлементов и других столь же необходимых организму веществ. Древние же собиратели постоянно ели десятки самых разнообразных растений, а потому получали все насущные витамины и прочие полезные ингредиенты. Кроме того, поскольку они не связывали свое существование исключительно с пшеницей или рисом, то и не погибали от голода в случае неурожая. Аграрные же общества оказывались на грани вымирания, как только засуха, пожар или землетрясение лишали их урожая риса, пшеницы или картофеля.

Разумеется, природные катастрофы затрагивали и собирателей, древние люди тоже знали периоды нужды и голода, однако с подобными несчастьями они справлялись быстрее и легче. Отсутствие одних источников пищи они могли компенсировать, собирая другие растения или охотясь на другие виды животных, могли также откочевать в другие места, не пострадавшие от стихий.

Инфекционные заболевания представляли для охотников и собирателей меньшую угрозу. Переносчиками почти всех заразных недугов, бушевавших в аграрных и промышленных обществах (оспа, корь, туберкулез), является домашний скот. Люди начали болеть лишь в результате аграрной революции.

Древние собиратели и охотники, не державшие никаких животных, кроме собак, не знали этих напастей. Опять-таки – аграрное и промышленное население существовало скученно, в негигиеничных условиях плотного заселения, ставшего причиной распространения болезней. А собиратели и охотники жили небольшими группами и часто перемещались с одной стоянки на другую, что препятствовало распространению эпидемий.

* * *

Здоровое и разнообразное питание, сравнительно короткая рабочая неделя, отсутствие инфекционных заболеваний – все это дало ученым повод охарактеризовать досельскохозяйственное общество как «изначально благополучное». Конечно, идеализировать эту древнюю пору было бы неправильно. Образу жизни этих кочевников могли бы позавидовать крестьяне и промышленные рабочие, однако и в их мире проблем и трагедий хватало. Регулярно по той или иной причине им грозил голод или другие трудности. Был очень высок уровень детской смертности, любой несчастный случай – например падение с дерева – с большой вероятностью оказывался роковым. И хотя почти все члены рода чувствовали себя как нельзя лучше в этой дружной, пронизанной множеством связей семье, тот несчастный, кто ухитрялся навлечь на себя враждебность или насмешки, мог бы еще до Сартра воскликнуть: «Ад – это другие!» У современных этносов, застрявших в первобытной эпохе, отмечается обычай оставлять на голодную смерть или убивать стариков и больных – тех, кто не поспевает за кочующим племенем. Также уничтожают нежеланных младенцев и маленьких детей, встречаются и человеческие жертвоприношения.

Народ аче (гуаяки) обитал в джунглях Парагвая вплоть до 1960-х годов. Изучавшие его антропологи словно заглянули в первобытный мир. Когда умирал уважаемый сородич, аче убивали маленькую девочку и хоронили ее вместе с ним. Ученые зафиксировали случай, когда

заболевшего и не поспевавшего за соплеменниками мужчину средних лет просто оставили сидеть под деревом. К дереву уже слетались стервятники в расчете на поживу, но больной, к величайшему разочарованию изголодавшихся птиц, собрался с силами, поднялся и нагнал остальных. Его тело было покрыто птичьими экскрементами, и с тех пор его прозвали «помет стервятников».

Когда старуха становилась бременем для своих сородичей, кто-то из мужчин помоложе, подобравшись со спины, приканчивал ее ударом топора в затылок. Член племени поведал любознательным антропологам о временах своей юности: «Я часто убивал старух. Я убивал своих теток… Женщины меня боялись… А теперь пришли белые, и я ослаб. А вообще-то я много старух убил». Новорожденные, появившиеся на свет лысыми, считались недоношенными, и их приканчивали сразу. Одна женщина припомнила, как убили ее первого ребенка – мужчины сочли, что еще одна девочка им ни к чему. В другой раз мужчина убил маленького мальчика, потому что «был не в настроении, а ребенок плакал». Другого ребенка похоронили заживо, потому что «он был какой-то странный и дети над ним смеялись»[12].

Но не торопитесь осуждать народ аче. Ученые, жившие с ними годами, отмечали, что взрослые члены племени могли не опасаться насилия. И мужчины, и женщины свободно меняли партнеров. Все они постоянно улыбались, смеялись, не знали жесткой иерархии и не стремились никем командовать. Они отличались поразительной щедростью, легко расставались со своим скудным имуществом, не стремились ни к богатству, ни к успеху. Превыше всего в жизни они ценили общение и настоящую дружбу[13]. К убийству детей, стариков и больных они относились примерно так же, как мы – к абортам и эвтаназии. Заметим, что парагвайские крестьяне охотились на этих людей и беспощадно их истребляли. Вероятно, как раз эта постоянная угроза вынудила аче столь решительно избавляться от всех, кто мог превратиться в обузу для племени.

Это первобытное общество, как и любое человеческое, было устроено очень непросто. Нельзя его ни идеализировать, ни демонизировать на основании лишь поверхностного знакомства. Аче не были ни ангелами, ни демонами – они были людьми. Как и древние охотники-собиратели.

Общение с духами

Что нам известно о духовной и интеллектуальной жизни древних людей? Их хозяйственную деятельность можно до известной степени реконструировать, опираясь на объективные и поддающиеся учету данные. Мы сумеем подсчитать, например, сколько калорий в день требовалось для выживания, сколько калорий давал килограмм орехов и сколько орехов можно собрать с квадратного километра леса. Исходя из этих данных, мы можем делать обоснованные выводы о том, какую роль играли орехи в питании древних людей.

Но как они относились к орехам – считали их лакомством или ели за неимением лучшего? Виделись ли им духи в ветвях орешника? Казалась ли им красивой форма листьев ореха? Если паренек из племени охотников и собирателей хотел уединиться с девушкой в романтическом месте, выбирал ли он тень под ореховым кустом? Мысли, верования и чувства гораздо труднее уловить и изучить, чем явления материального мира.

Большинство ученых считают, что среди древних охотников-собирателей были распространены анимистические представления (от лат. *anima* – «душа, дух»), то есть их мир был полон живых существ (духов), способных общаться друг с другом. В глазах анимиста сознанием и чувством наделено любое место и любое животное, растение и природное явление. Анимист вполне может поверить, что тот большой камень на вершине скалы обладает чувствами и желаниями, имеет определенные потребности. Камень может прогневаться на какие-то действия людей, а другими поступками будет доволен. Камень предостерегает, камень тре-

бует поклонения. И люди могут обращаться к камню и с просьбами, и с угрозами. И не только этот камень одушевлен, но и дуб у подножия скалы, и ручей, протекающий в долине, и источник, и окружающие этот источник кусты. И уж, конечно, полевые мыши, волки и вороны, которые пьют из этого ручья. В мире анимиста душой наделены не только реальные предметы и существа, но также нематериальные сущности: духи мертвых, всевозможные благие и вредоносные силы, которых мы теперь назвали бы демонами, феями или ангелами.

Анимисты не отделяют человека непреодолимой стеной от других существ. Все могут общаться напрямую с помощью речи, песни, танца и ритуала. Охотник может обратиться к стаду оленей и попросить, чтобы один из оленей, принеся себя в жертву, накормил людей. После успешной охоты у погибшего животного испрашивают прощение. Когда кто-то из членов племени заболевает, шаман вступает в контакт с духами, вызвавшими недуг, и пытается умилостивить их или прогнать прочь. Характерно, что во всех этих актах коммуникации духи воспринимаются в привязке к конкретике. Нет универсальных богов, есть дух вот этого оленя, вот этого дерева, родника, болезни.

Нет не только непреодолимой стены между людьми и другими существами; нет и жесткой иерархии. Причем благо человека отнюдь не является приоритетом для других сущностей. И эти божества не всемогущи, они не управляют миром по своей воле. Иными словами, вселенная не вращается ни вокруг людей, ни вокруг какой-либо другой группы существ.

Под общим именем «анимизма» ученые объединяют тысячи различных религий, верований и культов – это не какая-то одна конкретная религия. Общее у всех – единое представление о мире и о месте человека в нем. Когда мы называем древних охотников и собирателей анимистами, мы высказываем примерно такую же общую гипотезу, как называя крестьян доиндустриальной эпохи теистами. Теизм (от греч. *theos* – «бог») выстраивает иерархические отношения между людьми и небольшой группой высших существ – богов. На эти отношения опирается мировой порядок. Утверждение, что аграрные общества, как правило, были теистическими, вполне соответствует истине, однако малоинформативно. Под общей рубрикой «теисты» можно объединить и еврейских раввинов, проживавших в XVIII веке в Польше, и массачусетских пуритан XVII века, преуспевших в охоте на ведьм, и ацтекских жрецов (Мексика XV века), и суфийских мистиков (Иран XII века), и воителей-викингов X века, и римских легионеров (скажем, начала нашей эры), и современных им китайских чиновников. Причем любая из перечисленных групп людей считала чужие верования и религиозные практики чудовищными и еретическими. Вероятно, в неменьшей степени отличались и противоречили друг другу убеждения и практики древних анимистов. И вполне возможно, что их религиозный опыт не был линейным и безмятежным – он проходил через конфликты, реформы и революции.

Дальше этих обобщений и оговорок нам не продвинуться. Любая попытка разобраться в конкретных подробностях тогдашней духовной жизни остается в высшей степени умозрительной и спекулятивной, ведь фактами мы практически не располагаем, а то небольшое количество материальных свидетельств, что удалось найти, – горстка артефактов и наскальные рисунки – допускает тысячи разных истолкований. По правде говоря, ученые теории насчет мыслей и чувствований древних собирателей проливают свет скорее на предрассудки современных исследователей, чем на верования эпохи палеолита.

Наскальная роспись из пещеры Ласко, около 15–20 тысяч лет назад. Что именно здесь изображено и каков смысл этой картины? Некоторые видят, как бизон убивает человека с птичьей головой и сильной эрекцией. Под человеком еще одна птица. Вторая птица может символизировать душу, вылетающую из тела в момент смерти. Если так, фреска изображает не просто несчастный случай на охоте, но скорее переход из этого мира в посмертное существование. Однако мы никак не можем проверить справедливость этих умозаключений. Скорее это тест Роршаха для современных ученых: о них мы узнаём благодаря этой росписи довольно много, а о верованиях древних охотников и собирателей как не знали ничего, так и не знаем

Чем громоздить горы теорий поверх немногочисленных найденных в погребениях реликвий, наскальных росписей и костяных статуэток, правильнее будет честно признать, что о религии древних охотников и собирателей мы имеем лишь самое смутное представление. Мы называем их анимистами, но само по себе это наименование мало о чем говорит. Мы не знаем, к каким духам они взывали, какие праздники отмечали, какие соблюдали табу. Самое главное: мы не ведаем мифов, стоящих за подобными ритуалами. И это величайшая лакуна в нашем понимании человеческой истории.

Древние люди оставили эти отпечатки ладоней в «Пещере Рук» (Аргентина) примерно 9 тысяч лет назад. Кажется, будто из скалы к нам тянутся руки давно умерших людей. Это один из самых волнующих памятников каменного века – но что он означает, нам неизвестно

* * *

Мы также почти ничего не знаем о социально-политическом устройстве мира собирателей. Ученые расходятся во мнениях даже по основным вопросам: существовала ли личная собственность, малая семья, моногамные отношения. Возможно, разные сообщества людей складывались по разным принципам, в каких-то группах структура была либеральной и рыхлой, как в компьютерных стартапах Западного побережья Соединенных Штатов, поощряющих инновации, но при этом страдающих от внутренней неорганизованности, а другие группы следовали жесткой иерархии, словно нью-йоркские юридические фирмы – весьма эффективные, но негибкие.

В России на стоянке Сунгирь археологи наткнулись на погребение, устроенное 30 тысяч лет тому назад охотниками на мамонтов. В одной из могил они обнаружили скелет мужчины примерно пятидесяти лет, накрытый нитками бусин из бивня мамонта – всего в могиле насчитали почти 3000 бусин. Голову умершего украшала шапка с отделкой из лисьих зубов. На руках у него было 25 браслетов из бивня. В других могилах того же некрополя подобных богатств не обнаружено. Ученые делают вывод, что охотники на мамонтов жили в иерархическом обществе и этот покойник возглавлял клан, а то и целое племя из нескольких кланов: едва ли несколько десятков членов одного клана сумели бы собственными силами изготовить подобный наряд и столько украшений.

Неподалеку было обнаружено еще более интересное захоронение. Там голова к голове лежали два скелета: мальчика лет 12–13 и девочки лет 9-10 с сильно деформированной бедренной костью. Тело мальчика было покрыто 5 тысячами костяных бусин. На нем тоже был

головной убор с лисьими зубами, и еще пояс, украшенный 250 лисьими зубами (пришлось истребить по меньшей мере 60 лисиц, чтобы изготовить эти детали наряда). Девочке досталось 5250 бусин. Вокруг умерших детей выложили статуэтки и различные изделия из кости. Опытный ремесленник (или ремесленница) тратил, вероятно, около 45 минут на изготовление одной бусины, то есть эти 10 тысяч бусин, которыми укрыли двух умерших детей, – уж не говоря о прочих артефактах и украшениях – потребовали 7500 часов труда, то есть более трех лет, если этот древний ювелир трудился в одиночку!

Едва ли эти дети в столь юном возрасте успели стать вождями или зарекомендовали себя ценными членами племени. Значит, столь пышное погребение объясняется культурными особенностями племени. По одной из теорий, своим статусом они были обязаны родителям. Возможно, это были дети вождя, а в той культуре верили в единую харизму, «силу» семьи или же соблюдали строгие правила преемственности. Другая теория: детей считали воплощением какого-то давно умершего предка. Третья теория предполагает, что погребение отражает характер смерти детей, а не их прижизненный статус, то есть они были принесены в жертву (допустим, на поминках по вождю), а затем торжественно похоронены[14].

Точного ответа нам не узнать, но, во всяком случае, сунгирские дети стали одним из самых убедительных доказательств того, что уже 30 тысяч лет назад сапиенсы изобретали некие социальные коды, отнюдь не заложенные в их ДНК и существенно отличающиеся от поведенческих моделей, принятых у других видов людей и животных.

Война или мир?

Еще один спорный вопрос: войны. Некоторые ученые представляют древнее общество охотников и собирателей идеалом мира, полагая, будто война и насилие начались только в эпоху аграрной революции, когда появилась частная собственность. Другие, напротив, уверены, что мир древних кочевников отличался крайней жестокостью. Обе теории остаются чисто умозрительными, с землей эти воздушные замки соединяет тонкая нить скудных археологических свидетельств и современных наблюдений антропологов за немногими уцелевшими «дикими» племенами.

Данные ученых весьма интересны, однако столь же неоднозначны. Современные охотники-собиратели обитают в изолированных и негостеприимных регионах вроде Арктики или Калахари, где плотность населения очень низка, так что сама встреча с враждебной группой маловероятна. Более того, уже несколько поколений первобытных племен находятся под суровым контролем современных государств. И это само по себе предотвращает крупномасштабные конфликты. Антропологи лишь дважды имели возможность наблюдать поведение больших групп охотников-собирателей в условиях независимости и относительной плотности населения: на американском Северо-Западе в XIX веке и на севере Австралии до начала XX века. И индейцам, и аборигенам Австралии оказалась присуща склонность к частым вооруженным столкновениям.

Археологические же находки и малочисленны, и невнятны. Какие улики могли бы сохраниться через десятки тысяч лет после войны? Крепостей тогда не строили, стен не воздвигали, не было не только артиллерийских орудий, но и мечей и щитов. Что же до наконечников копий – копья могли использоваться на войне точно так же, как и на охоте. Гадать по окаменевшим человеческим останкам тоже непросто. Какова причина перелома – схватка или несчастный случай? Отсутствие переломов тоже еще не доказательство, что покойный умер ненасильственной смертью: он мог погибнуть от ран мягких тканей, так что на скелете не осталось никаких следов. К тому же в доиндустриальную эпоху, как нам известно, более 90 % жертв уносили голод, холод и болезни, а не сражения. Если 30 тысяч лет тому назад какое-то племя победило соседей и согнало их с насиженных земель, то непосредственно в битве погибло, скажем,

десять членов побежденного племени, а в следующем году еще 100 человек умерло от голода, холода и болезней. Археологи, откопав скелеты 110 бедолаг, придут к выводу, что почти всех сгубило какое-то природное бедствие. Как определить, что на этот раз бедствием была война?

С такими оговорками обратимся теперь к результатам археологических исследований. В Португалии были изучены 400 скелетов, датируемых периодом непосредственно накануне аграрной революции. Лишь на двух были обнаружены явные следы насилия. Аналогичное исследование на территории Израиля дало еще менее убедительный результат: из 400 скелетов у одного-единственного обнаружилась трещина в черепе, которая предположительно могла появиться в результате нападения.

А вот из 400 скелетов, найденных в досельскохозяйственных поселениях долины Дуная, следы насилия хранят восемнадцать. 18 из 400 – это опять-таки может показаться не слишком большим числом, однако на самом деле это очень высокий процент. Если 18 человек на самом деле умерли насильственной смертью, это значит, что причина 4,5 % смертей в долине Дуная – убийство. На сегодняшний день от руки человека – считая и войны, и преступления – погибает не более 1,5 % населения Земли. За весь XX век этот уровень не превысил 5 % – в самом кровавом веке, ставшем свидетелем двух мировых войн и нескольких геноцидов. Если находка в долине Дуная окажется типичной для этих мест, значит, в древности там жили такие же воинственные и склонные к насилию люди, как и в XX веке[3].

Мрачная находка в долине Дуная, увы, не представляет собой исключения. Такие же печальные свидетельства обнаружены и в других местах. В Судане, близ Джебель-Сахабы, обнаружено захоронение возрастом 12 тысяч лет. 59 скелетов, в костях 24 из них застряли наконечники стрел и копий – это 40 % от общего числа умерших. На одном из женских скелетов насчитали 12 ран. В пещере Офнет в Баварии археологи нашли останки 38 древних людей, по большей части женщин и детей, сброшенные в два погребальных рва. Половина скелетов, даже детей и младенцев, хранят явные следы от человеческого оружия – ножей и дубинок. Больше всего таких отметин у немногочисленных мужчин. По всей видимости, эта группа людей была целиком истреблена в пещере Офнет.

Какие находки вернее отражают жизнь древних охотников-собирателей: португальские и израильские скелеты умерших своей смертью или останки жертв побоищ из Джебель-Сахабы и пещеры Офнет? И те и другие. Мы уже говорили о широчайшем разнообразии религий и социальных укладов той эпохи. Значит, и отношение к насилию не было у всех одинаковым. Одни регионы в какие-то периоды наслаждались миром и спокойствием, в других бушевали яростные конфликты[15].

Завеса молчания

Если даже в общих чертах непросто воспроизвести картину жизни древнего охотника-собирателя, то отдельные события тем более не поддаются реконструкции. Что произошло, когда сапиенсы пришли в долину, где обитали неандертальцы? Скорее всего, то была захватывающая историческая драма. Но, увы, никаких следов этой встречи не уцелело, разве что несколько окаменевших костей да каменных орудий – улики по-прежнему немые, сколько ни бьются над ними исследователи. Эти находки могут дать нам сведения о человеческой анатомии, развитии технологий, питании и образе жизни, даже кое-что о социальном устройстве, но они ничего не расскажут нам о политическом союзе, который заключили между собой две

[3] Допустима и другая гипотеза: не все 18 обитателей долины Дуная погибли от насилия, следы которого сохранились на их костях. Кто-то мог быть только ранен. С другой стороны, многие могли умереть от не оставившей следа раны в мягкие ткани или от неизбежного спутника войны – голода. – *Прим. авт.*

группы сапиенсов, о том, как духи предков благословили этот союз и сколько бусин из бивня пришлось отдать шаману ради такого благословения.

Завеса молчания скрывает от нас десятки тысяч лет человеческой истории. Эти тысячелетия, вполне возможно, стали свидетелями войн и революций, религиозных реформ, глубоких философских учений, шедевров искусства. Появлялись, должно быть, Наполеоны, чьи империи простирались на тысячи квадратных километров; Бетховены – без симфонического оркестра, на бамбуковой дудочке игравшие такие мелодии, что соплеменники рыдали от восторга; первые пророки, которые несли своему народу слово не о творце мироздания, но о духе, обитающем в могучем дубе на ближнем холме. Но это все – из области догадок. Завеса молчания столь плотна, что мы не знаем, было это или не было, не говоря уж о подробностях.

Ученые склонны задавать лишь те вопросы, на которые возможно получить ответ. Но пока у нас нет инструментария вроде машины времени или умения вызывать духов далеких предков, нам не узнать, во что верили древние охотники-собиратели и какие драмы сотрясали их мир. И все же эти вопросы нужно задавать, иначе мы попросту сбросим со счетов 60, а то и 70 тысячелетий, оправдываясь тем, что «в ту пору люди ничего существенного не создали».

Но именно тогда сформировался не только человеческий разум в своем нынешнем виде, но и окружающий нас мир. Экстремальные туристы стремятся в сибирскую тундру, в пустыни Центральной Австралии и в джунгли Амазонки, на поиски «девственного ландшафта», не подвергшегося влиянию человека, но это – иллюзия. В тех местах задолго до туристов побывали охотники-собиратели, и после них многое изменилось даже в самых густых джунглях и в самых жарких пустынях. В следующей главе мы расскажем о том, как древние люди меняли экологию планеты еще до того, как возникли первые деревни. Эти кочующие группы сапиенсов с их коллективной мифологией оказались самой мощной – и самой разрушительной – силой, с какой довелось столкнуться животному миру Земли.

Глава 4
Потоп

До когнитивной революции ареал обитания человека (всех видов) ограничивался континентальной Афроевразией и несколькими ближайшими островами, до которых удалось добраться вплавь или на импровизированных плотах. Так, Флорес был колонизован еще 850 тысяч лет тому назад. Но люди не могли выйти в открытое море и переправиться в Америку, Австралию или на такие отдаленные острова, как Мадагаскар, Новая Зеландия или Гавайи.

И не только люди. Большинство животных и растений Афроевразии не могли преодолеть это препятствие и распространиться во «внешний мир». Фауна Австралии и Мадагаскара на протяжении многих миллионов лет развивалась в изоляции, приобретая совершенно иные формы и свойства, чем в Афроевразии. Земля разделилась на несколько замкнутых экосистем, каждая со своим уникальным набором животных и растений. Этому биологическому разнообразию положил конец именно *Homo sapiens.*

В результате когнитивной революции сапиенсы обзавелись технологиями, умением жить в коллективе, а возможно, и способностью прогнозировать – и тогда вышли за пределы Афроевразии и покорили весь мир. Начали они с колонизации Австралии 45 тысяч лет тому назад. До сих пор ученые ломают голову над загадкой, как им это удалось. Чтобы попасть в Австралию, нужно было преодолеть множество проливов, иные – шириной более 100 километров, а затем сразу же вписаться совершенно в иную экосистему.

Согласно наиболее правдоподобной гипотезе, примерно 45 тысяч лет назад сапиенсы с Индонезийских островов (эта группа островов отделена от Азии и друг от друга очень узкими проливами) впервые в истории человечества сделались настоящими мореходами. Они научились строить суда для плавания в океане и управлять ими, ловили рыбу на большом расстоянии от берега, открывали новые земли, наладили «международную» торговлю. Эти навыки и помогли индонезийцам добраться до Австралии и закрепиться там. Столь кардинальная смена образа жизни не имела прецедентов в истории Земли. Любым другим млекопитающим – тюленям, морским коровам, дельфинам – понадобились миллионы лет, чтобы стать морскими, пришлось выработать обтекаемую форму тела и развить «специализированные» органы. Индонезийские же сапиенсы, потомки рыскавших по африканской саванне обезьян, пересекли Тихий океан, не отрастив ласты, словно тюлень, не дожидаясь, чтобы нос переместился на макушку, словно у кита, – взяли и построили суда и научили управлять ими.

Хорошо бы для убедительности откопать плоты, весла или целую рыбацкую деревушку возрастом 45 тысяч лет (нелегкая задача, ведь с тех пор уровень Мирового океана поднялся и прежние берега Индонезии оказались под трехсотметровым слоем воды). Однако имеется немало косвенных доказательств в пользу этой теории, в частности такое: в течение нескольких тысячелетий непосредственно после заселения Австралии сапиенсы колонизовали большое количество маленьких изолированных островов к северу от материка. Некоторые из них – например Бука и Манус – находятся в открытом океане, в 200 километрах от ближайшей земли. Трудно поверить, что люди могли бы достичь Мануса без достаточно сложных судов, не имея навыков мореходства. И, как сказано выше, сохранились доказательства налаженной морской торговли между островами – скажем, между Новой Ирландией и Новой Британией[16].

Та первая экспедиция в Австралию – одно из крупнейших событий человеческой истории, по значению не уступает открытию Колумба и полету «Аполлона-11» на Луну. Впервые человек оторвался от афроевразийской экологической системы, впервые крупное сухопутное животное сумело добраться из Азии до Австралии. Но гораздо важнее, чем расставание со Старым Светом, стало то, что пионеры совершили в Новом. С момента, когда первый охот-

ник-собиратель ступил на берег Австралии, человек прочно занял верхушку пищевой пирамиды и сделался самым опасным животным на Земле.

Люди и прежде демонстрировали завидную способность адаптироваться к окружающей среде, однако существенного влияния на эту среду не оказывали. Они научились переселяться на новые места обитания и быстро к ним приспосабливаться, но при этом почти ничего в экосистемах не меняли. Первопоселенцы же – а точнее, завоеватели – Австралии адаптацией не удовольствовались. Они преобразили местную экосистему до неузнаваемости.

След ноги первого человека, высадившегося на песчаном австралийском берегу, тут же смыла волна, однако, продвигаясь в глубь материка, пришельцы с каждым километром оставляли иной отпечаток, который уже было не вытравить ни воде, ни векам… На пути им встречалось множество неведомых зверей, например двухсоткилограммовый кенгуру ростом под два метра и сумчатый лев, размерами не уступавший современному тигру – крупнейшему хищнику этой новой земли. На деревьях сидели коалы – такие громадные, что никому бы не пришло в голову их потискать и погладить, а по равнинам носились табуны бескрылых птиц вдвое крупнее страуса. В высокой траве скользили ящерицы, смахивавшие на драконов, и змеи пятиметровой длины. В лесах рыскал гигантский дипротодон – вомбат весом в две с половиной тонны. Все эти животные (разумеется, кроме пресмыкающихся и птиц) были сумчатыми: детеныши у них рождались крошечными и беспомощными, словно эмбрионы, а затем донашивались в «кармашке» на животе. Сумчатые животные принадлежат к классу млекопитающих, то есть вскармливают свое потомство молоком. Таких существ в Африке и Азии почти не водилось, но в Австралии они господствовали безраздельно.

Прошло несколько тысячелетий – и все это великолепие исчезло. Из двадцати четырех видов австралийских животных – некоторые их представители весили более полутонны – уцелел только один[17]. Погибло и много видов помельче. По всей Австралии прежние пищевые цепочки были разорваны и сформировались новые. После миллионов лет поступательного развития экосистема Австралии стремительно и пугающе преобразилась. Виновен ли в этом *Homo sapiens*?

Виновен по всем пунктам

Некоторые исследователи пытаются снять ответственность с наших предков и возложить ее на внезапную смену климата (обычный подозреваемый в подобных случаях). Но невозможно поверить, что сапиенсы были непричастны. Три аргумента подрывают их алиби и уличают наш вид в том, что именно он уничтожил австралийскую мегафауну.

Во-первых, пусть даже климат Австралии 45 тысяч лет назад и менялся, не такие уж это были радикальные изменения. Сами по себе капризы погоды едва ли могли привести к повальной гибели крупных и сильных животных. Нынче все подряд валят на изменения климата, но, по правде говоря, климат Земли никогда не отличался постоянством. Температурная кривая и другие погодные условия непрерывно меняются. Любое событие в истории планеты совпадает с каким-нибудь изменением климата.

Наша планета прошла через ряд циклов разогревания и охлаждения. За последний миллион лет в среднем раз в 100 тысяч лет наступал очередной ледниковый период. Последний ледниковый период начался 75 тысяч, а завершился всего 15 тысяч лет назад. Он не отличался особой суровостью, но в нем отмечено два пика холода – около 70 тысяч и около 20 тысяч лет назад. Гигантские дипротодоны появились в Австралии более 1,5 миллиона лет назад и благополучно пережили по меньшей мере десять ледниковых периодов. Не причинил им особого ущерба и первый пик холода в тот ставший для них роковым ледниковый период – около 70 тысяч лет назад массовой гибели не отмечено. Так почему же 45 тысячелетий назад эти великаны исчезли? Разумеется, если бы в то время вымерли только дипротодоны, мы бы сочли

это печальным совпадением. Но вместе с ними австралийская экосистема недосчиталась более 90 % крупных животных. Да, это улики косвенные, но в совпадение поверить трудно: почему-то все звери Австралии вдруг погибли от холода именно тогда, когда на материке появился человек[18].

Во-вторых, в тех случаях, когда массовая гибель в самом деле вызывается переменой климата, морские животные страдают не меньше, чем обитатели суши. Однако 45 тысяч лет назад океанская фауна, похоже, чувствовала себя отменно. Именно человеческим фактором проще всего объяснить, почему погибли только наземные животные Австралии, а жители прибрежных вод уцелели. Хоть человек и освоил кое-какие мореходные навыки, в ту пору он был грозен только на суше.

В-третьих, массовое вымирание видов, схожее с тем, которое произошло в Австралии, случалось еще не раз в дальнейшей истории, причем именно там и тогда, когда люди захватывали очередную часть Большого мира. В этих более поздних случаях вина человека установлена вне всяких сомнений. Например, мегафауна Новой Зеландии, вышедшая из гипотетического «изменения климата» 45 тысяч лет назад без единой царапины, с появлением на островах людей понесла серьезные потери. Маори, колонизаторы Новой Зеландии, добрались до островов примерно 800 лет назад. За два столетия большая часть крупных животных была стерта с лица земли, а заодно и 60 % птиц.

Та же участь постигла и популяцию мамонтов на острове Врангеля в Северном Ледовитом океане (в 200 километрах от побережья Сибири). Миллионы лет мамонты водились практически во всех регионах Северного полушария, но по мере того, как на этой территории распространялся *Homo sapiens* – сначала в Евразии, потом в Северной Америке, – ареал обитания мамонта сужался. 10 тысяч лет назад мамонта уже нельзя было встретить нигде за пределами дальних арктических островов, и основная популяция сохранилась только на острове Врангеля. Там косматые слоны благоденствовали еще несколько тысяч лет, а 4 тысячи лет назад вдруг исчезли – именно тогда, когда на этот остров явились люди.

Если бы гибель крупных животных Австралии была уникальным событием, мы могли бы толковать сомнение в пользу подсудимого. Но вся история Земли уличает *Homo sapiens* как серийного убийцу экологических сообществ; поверим ли мы, что в австралийской катастрофе наш смертоносный вид был ни при чем?

Колонизаторы Австралии располагали технологиями каменного века. Как же они ухитрились спровоцировать экологическую катастрофу? Тому есть три удачно дополняющих друг друга объяснения.

Во-первых, крупные животные, которые в первую очередь стали жертвой этой катастрофы, размножаются медленно. Беременность длится много месяцев, детенышей в одном помете мало, между беременностями проходит много времени. Соответственно, если люди убивали даже одного дипротодона раз в несколько месяцев, уже и этого хватило, чтобы смертность в популяции превысила рождаемость и через несколько тысячелетий последний дипротодон скончался в одиночестве, а с его смертью исчез и вид[19].

Скорее всего, несмотря на свой огромный рост, дипротодоны и другие гиганты Австралии оказались легкой добычей, потому что двуногие охотники застигли их врасплох. В Африке и Азии различные виды людей жили и постепенно эволюционировали на протяжении 2 миллионов лет. Они постепенно оттачивали свои навыки и лишь примерно 400 тысяч лет назад отважились напасть на крупных животных. И животные Африки и Азии имели достаточно времени, чтобы разобраться в человеческих хитростях и научиться избегать неприятностей. К тому времени, когда *Homo sapiens* превратился в главного хищника Азии и Африки, крупные звери уже знали, что от двуногих следует держаться подальше. А гиганты Австралии не успели этому научиться, они понятия не имели, что нужно спасаться бегством. Люди не казались им опасными – ни острых зубов, ни заметных мышц. Животные Африки и Азии на горь-

ком опыте усвоили, что человек на самом деле гораздо страшнее, чем он выглядит. Но когда огромное сумчатое млекопитающее дипротодон впервые увидело довольно мелкую обезьяну, гигант сморгнул и продолжил жевать листья. Даже после первых нападений дипротодоны не сумели предупредить собратьев о новой угрозе. Животным требуется немалый срок, чтобы выработать страх перед человеком, а они не успели – и все погибли.

Второе объяснение: сапиенсы, добравшиеся до Австралии, уже повсеместно применяли огонь. Столкнувшись с незнакомой, пугающей средой, люди стали намеренно выжигать непроходимые заросли и густые леса. Им больше подходили открытые луга, где и охотиться было сподручнее. Таким образом за несколько тысячелетий люди изменили экологию огромных территорий Австралии.

В пользу подобной гипотезы говорят ископаемые останки растений. 45 тысяч лет назад эвкалиптов в Австралии росло немного, но с появлением *Homo sapiens* для этого дерева начался золотой век. Эвкалипты распространялись повсюду, вытесняя все прочие деревья и кусты. Такое изменение в составе флоры отразилось и на животных, питавшихся растениями, и на хищниках, которые питались вегетарианцами. Коалы, чей рацион полностью состоит из листьев эвкалипта, непрерывно жуя, с удовольствием осваивали новые территории. Другие виды животных отнюдь не радовались, многие массово погибали. Были разорваны основные пищевые цепочки, слабые их звенья уничтожены[20].

Третья гипотеза признаёт, что в гибели фауны сыграли свою роль и охота, и использование огня, но учитывает и фактор климата. Те климатические изменения, которые происходили в Австралии 45 тысяч лет назад, дестабилизировали экосистему, она стала уязвимой. При обычных обстоятельствах экосистема сумела бы, скорее всего, восстановиться, как это бывало уже не раз. Но люди явились на новый континент как раз в тот роковой момент и столкнули пошатнувшуюся экосистему в бездну. Сочетание этих факторов – изменения климата и агрессии человека – особенно опасно для крупных животных, поскольку для них возникает сразу несколько угроз, и в такой ситуации трудно выбрать адекватную стратегию выживания.

Мы не располагаем достоверными фактами, которые позволили бы нам сделать выбор в пользу одной из гипотез. Но есть все основания полагать, что, если бы *Homo sapiens* не отправился на юг, в Австралии и поныне водились бы сумчатые львы, дипротодоны и гигантские кенгуру.

Конец ленивцам

Гибель австралийской мегафауны – первый заметный результат деятельности *Homo sapiens* на Земле. Следующей была экологическая катастрофа еще больших масштабов, на этот раз в Америке. *Homo sapiens* оказался первым и единственным видом человека, кому удалось добраться до Западного полушария. Это произошло примерно 16 тысяч лет тому назад, то есть за 14 тысяч лет до н. э. Первые поселенцы прибыли в Америку пешком – в тот момент уровень моря понизился настолько, что между северо-востоком Сибири и северо-западом Аляски возник сухопутный «мост». И все-таки это был трудный путь, возможно, даже труднее морской экспедиции в Австралию. Чтобы перебраться в Западное полушарие, сапиенсам предстояло сперва научиться искусству выживать в экстремальных условиях северной Сибири, в полярную ночь, при пятидесятиградусном морозе.

Прежде ни один человеческий вид не забирался так далеко на север. Даже привычные к холоду неандертальцы держались южнее, в более теплых регионах. Но *Homo sapiens*, чье тело гораздо более приспособлено к условиям африканской саванны, чем к царству вечных снегов и льдов, благодаря своей изобретательности не пропал и в Сибири. По мере того как большие группы кочевников-сапиенсов мигрировали на север, они учились делать снегоступы и, пользуясь иглой, шили теплосохраняющие костюмы из многих слоев меха и кожи. Они разраба-

тывали новое оружие и сложные способы охоты, чтобы убивать мамонтов и других крупных животных Сибири. По мере совершенствования одежды и охотничьих приемов сапиенсы отваживались проникать в эти ледяные регионы все глубже, и чем дальше они заходили на север, тем более совершенствовались их одежда, охотничья стратегия и навыки выживания.

Но к чему такие усилия? Неужели люди добровольно выбрали местом своего обитания Сибирь? Очевидно, некоторые племена были загнаны туда войной, демографическими проблемами или природными катаклизмами, однако в этих краях имелись и свои плюсы, в первую очередь – обилие белковой пищи. В Арктике обитало множество крупных вкусных животных, в том числе северные олени и мамонты. Каждый мамонт был для охотников целой ходячей мясной лавкой. В условиях вечной мерзлоты мясо сохранялось долго, люди получали вкусный жир, теплую шкуру и ценную мамонтовую кость. Находки в Сунгире показывают, что охотники на мамонтов не просто выживали на холодном севере – они процветали. Со временем охотники на мамонтов, мастодонтов, шерстистых носорогов и оленей расселились по всей Сибири. Около 14 тысяч лет до н. э. вслед за своей добычей какие-то племена перебрались из Северо-Восточной Сибири на Аляску. Разумеется, тогда они не знали, что открывают новый мир. И для мамонтов, и для людей Аляска была продолжением той же Сибири.

Поначалу путь с Аляски на юг преграждали ледники, и лишь немногие смельчаки проникали на основную территорию Американского континента. Но около 12 тысяч лет до н. э. наступило глобальное потепление, лед растаял, открылись новые проходы, и люди массово устремились на юг и распространились по всему континенту со скоростью степного пожара. И несмотря на то, что столько поколений училось охотиться на крупную дичь в арктических условиях, люди быстро приспособились к огромному разнообразию климатов и экосистем обеих Америк. Потомки сибиряков освоили густые леса на востоке нынешних Соединенных Штатов и болота в дельте Миссисипи, пустыни Мексики и влажные джунгли Центральной Америки. Одни поселились на берегах Амазонки, другие – в горных долинах Анд или в пампасах Аргентины. На покорение Нового Света понадобилось всего тысячелетие, максимум два! К десятому тысячелетию до н. э. люди достигли крайней точки на юге Америки, острова Огненная Земля. Этот блицкриг подтвердил неиссякаемую изобретательность *Homo sapiens* и поразительную способность адаптироваться. Никаким другим существам не удавалось так быстро перемещаться из одной среды обитания в другую, не имеющую ничего общего с прежней, и приживаться там, используя все тот же, по сути дела, набор генов[21].

Американский блицкриг отнюдь не был бескровным. Эта война оказалась столь же разрушительной, как любая другая. 14 тысяч лет назад американская фауна была гораздо разнообразнее нынешней. Первые колонизаторы, продвигаясь на юг от Аляски на равнины Канады и запада Соединенных Штатов, обнаружили там мамонтов и мастодонтов, грызунов ростом с медведя, огромные стада лошадей и верблюдов, громадного размера львов и десятки других видов животных, о которых мы давно забыли, в том числе грозных саблезубых тигров и гигантских, живших на земле ленивцев – они набирали вес до восьми тонн, а ростом были под шесть метров. Зверинец Южной Америки был еще более экзотическим: и крупные млекопитающие, и невиданные птицы, и пресмыкающиеся. Обе Америки стали природной лабораторией, где происходил самый масштабный эволюционный эксперимент в истории Земли: там возникли и благоденствовали животные и растения, каких никогда не знали ни Азия, ни Африка.

И вдруг все кончилось. Стоило появиться сапиенсам – и за два тысячелетия большинство уникальных видов исчезли без следа. Современные исследователи считают, что Северная Америка лишилась 34 из 47 видов крупных млекопитающих, Южная – 50 из 60. Исчезли саблезубые тигры, безраздельно царившие в этих местах более 30 миллионов лет. Пропали гигантские ленивцы и огромные львы, американские лошади и верблюды, мамонты и грызуны-великаны. Вымерли тысячи млекопитающих помельче, рептилии, птицы и даже насекомые и паразиты (когда не стало мамонтов, за ними последовали и все виды их клещей).

Десятилетиями палеонтологи и зооархеологи – люди, ищущие и изучающие останки животных, – прочесывают горы и равнины обеих Америк в поисках костей древних верблюдов или хотя бы экскрементов гигантского ленивца. Когда им удается хоть что-нибудь найти, эти сокровища бережно упаковываются и отправляются в лаборатории, где каждую косточку и каждый копролит (так ученые именуют окаменевшие фекалии) тщательно изучают и датируют. И все эти исследования дают один и тот же результат: наиболее «свежий» помет ленивцев и кости верблюдов относятся к тому периоду, когда на континенты хлынул поток людей, то есть к периоду с 12 000-го по 9000-й годы до н. э. Лишь в одном месте ученым удалось найти экскременты ленивца, относящиеся к более позднему времени – к 5000-му году до н. э., – на нескольких Карибских островах, в частности на Кубе и Гаити. 5 тысяч лет до н. э. – как раз тот момент, когда люди сумели переплыть Карибское море и поселиться на этих больших островах.

И вновь некоторые исследователи пытаются оправдать *Homo sapiens* и свалить вину на изменившийся климат (ради этого приходится допустить, что по какой-то таинственной причине на Карибских островах 7 тысяч лет сохранялся благоприятный для экосистемы климат, в то время как на все Западное полушарие обрушилось потепление). Но в деле об американской фауне нам не отмыться – мы виновны. Даже если перемена климата оказалась дополнительным фактором, основной причиной все же стало вмешательство человека[22].

Ноев ковчег

Если прибавить к массовому исчезновению видов Австралии и Америки не столь масштабные катастрофы, происходившие на пути *Homo sapiens*, пока он расселялся по Африке и Азии (в том числе загадочное исчезновение остальных видов человека и вымирание значительной части живого при появлении древних охотников на отдаленных островах вроде Кубы), то напрашивается неизбежный вывод: первая волна колониальной экспансии сапиенсов стала самой страшной – и самой стремительной – катастрофой в истории земного животного мира. Хуже всего пришлось большим и мохнатым. Перед когнитивной революцией на планете обитало около 200 видов крупных наземных животных (весом от 40 килограммов и выше). До аграрной революции дотянуло только 100. *Homo sapiens* расправился с половиной крупных обитателей Земли задолго до того, как изобрел колесо и письменность или научился обрабатывать железо.

Экологическая трагедия многократно повторялась и после аграрной революции, хотя и в меньших масштабах. Археологические исследования островов являют ту же трагедию в трех действиях: сначала мы видим разнообразную и многочисленную популяцию крупных животных в отсутствие человека; во втором действии появляются следы человека: кость, наконечник копья, осколок глиняного сосуда. В третьем действии на авансцене – люди, а большинства крупных животных, а также многих мелких уже поминай как звали.

Самый известный пример – большой остров Мадагаскар примерно в 400 километрах к востоку от Африки. За миллионы лет изоляции там сложился уникальный природный мир: разгуливала нелетающая «птица-слон» – эпиорнис, ростом 3 метра и весом полтонны, обитали крупнейшие на Земле приматы – гигантские лемуры. И эпиорнисы, и лемуры, и большинство других крупных животных внезапно исчезли 1500 лет тому назад – именно тогда, когда на острове появились люди.

В Тихоокеанском регионе вымирание различных видов животных началось около 1500 лет до н. э., когда земледельцы Полинезии добрались до Соломоновых островов, Фиджи и Новой Каледонии. Они стали прямой или косвенной причиной гибели сотен видов пчел, насекомых, моллюсков и других местных обитателей. Постепенно эта волна уничтожения распространялась на восток, на юг и на север, в самое сердце Тихого океана, смывая с лица земли

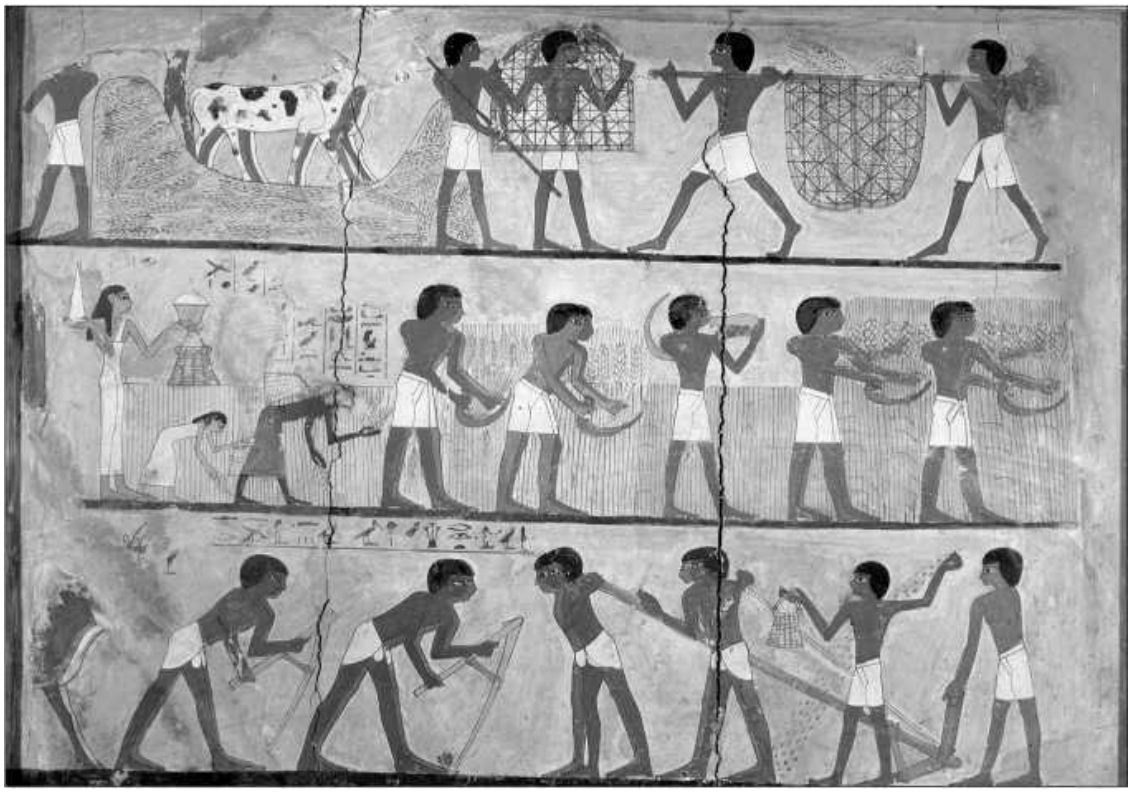
уникальную фауну Самоа и Тонга (1200 лет до н. э.), Маркизских островов (I век н. э.), острова Пасхи, островов Кука и Гавайев (V век н. э.) и, наконец, Новой Зеландии (XIII век н. э.).

Аналогичные катастрофы происходили практически на каждом из тысячи островов Атлантического, Индийского и Северного Ледовитого океанов, а также Средиземного моря. На самых маленьких островах археологи обнаруживают следы птиц, моллюсков и насекомых, которые жили там из поколения в поколение, но исчезли, когда появился человек. Лишь немногие дальние острова, не удостоивавшиеся внимания человека вплоть до современной эпохи, сохранили свою фауну. Самый распространенный пример – Галапагосские острова, где человек поселился только в XIX веке. Там сохранился уникальный зверинец с гигантскими черепахами – они так же не боятся людей, как не боялись дипротодоны.

Изучая итоги первой волны глобального вымирания, совпавшей с расселением охотников-собирателей, и второй, которой сопровождалось расселение земледельцев, мы лучше поймем перспективы третьей волны, что поднялась на наших глазах вслед за индустриализацией. И не верьте сентиментальным всхлипам – дескать, вот предки наши жили в согласии с природой. Какое уж там согласие – сплошной диссонанс. Задолго до промышленной революции человек стал причиной гибели большинства видов животных и растений. Мы – самый смертоносный вид в анналах биологии.

Если бы люди были лучше осведомлены о двух первых волнах, может быть, они не столь легкомысленно относились бы к третьей, к которой причастен каждый из нас. Помня, скольких живых существ уже уничтожено безвозвратно, мы бы стремились спасти тех, что еще существуют. В особенности это касается крупных морских животных. В отличие от сухопутных млекопитающих, обитателей моря когнитивная и аграрная революции затронули гораздо меньше, но сейчас они находятся на грани исчезновения из-за того, что мы истощаем ресурсы океана и загрязняем его отходами производства. Если процесс будет продолжаться теми же темпами, киты, акулы, тюлени и дельфины отправятся в безвременную могилу – вслед за дипротодонами, гигантскими ленивцами и мамонтами. Из крупных животных в этом антропогенном потопе уцелеет разве что сам человек да «галерные рабы» Ноева ковчега – домашний скот.

Часть вторая
Аграрная революция

Характерные сельскохозяйственные сцены на стенной росписи из египетской гробницы, примерно 3500 год до н. э.

Глава 5
Величайший в истории обман

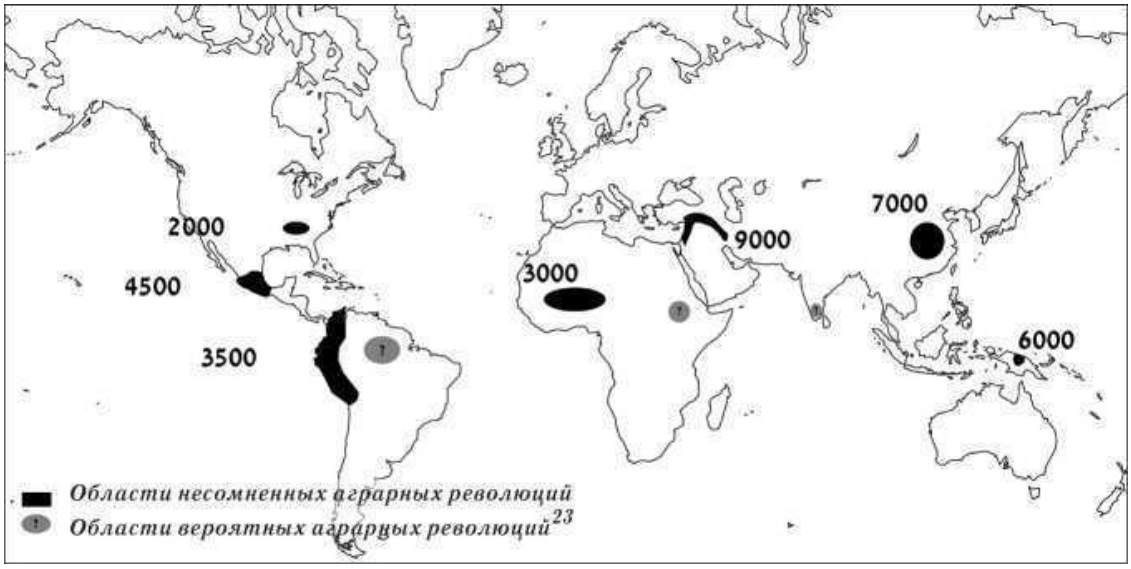
2.5 миллиона лет люди кормились, собирая растения и охотясь на животных, которые жили и размножались без участия человека. *Homo erectus, Homo ergaster* и неандерталец срывали плоды инжира и охотились на диких коз и овец, не пытаясь регулировать их жизнь. Они не решали, где посадить инжир, где пасти стадо или какого барана с какой овцой надо свести. *Homo sapiens* вышел за пределы Восточной Африки и освоил Ближний Восток, затем всю Азию и Европу, добрался и до Австралии, и до Америки, но, куда бы ни пришел, он по-прежнему жил собирательством и охотой. С какой стати менять образ жизни, когда ты и так сыт, социальные структуры устойчивы, религия совершенствуется и мир принадлежит тебе?

Все изменилось около 10 тысяч лет назад, когда сапиенсы всерьез, не жалея времени и сил, занялись немногими видами растений и животных. С рассвета до заката люди стали сеять семена, поливать растения, выпалывать сорняки, перегонять овец с пастбища на пастбище. Они поняли, что эта работа обеспечит их зерном, плодами и мясом в гораздо больших количествах, чем собирательство и охота.

Так произошла аграрная революция.

Переход к оседлому земледелию начался примерно в 9500–8500 годах до н. э. в гористых областях Юго-Восточной Турции, Западной Персии и Леванта в очень небольшом регионе и поначалу шел медленно. Пшеницу и коз одомашнили примерно за 9 тысяч лет до н. э., горох и чечевицу – около 8 тысяч лет до н. э., оливу – около 5 тысяч лет до н. э., лошадь приручили около 4 тысяч лет до н. э., а виноград сделался культурным растением примерно за 3,5 тысячи лет до н. э. До других представителей флоры и фауны очередь дошла позже, но в целом за 3,5 тысячи лет до н. э. процесс одомашнивания закончился. И поныне, при всех развитых технологиях, более 90 % калорий человечество получает из тех немногих видов растений, которые наши предки научились выращивать в период между серединой X и IV тысячелетием до н. э., то есть из пшеницы, риса, кукурузы, картофеля, проса и ячменя. За последние две тысячи лет нам не удалось одомашнить ни одно достойное упоминания растение или животное. Если мозг мы унаследовали от охотников-собирателей, то кормовую базу – от древних земледельцев.

Прежде считалось, что земледелие распространилось во все концы света из единого центра на Ближнем Востоке. Сегодня ученые доказывают, что во многих регионах сельское хозяйство возникло самостоятельно, а не как результат экспорта аграрной революции с Ближнего Востока. В Центральной Америке начали сеять кукурузу и бобы, ничего не зная о культуре пшеницы и гороха на Ближнем Востоке, а в Южной Америке одомашнили картофель и ламу, опять-таки не зная о достижениях Мексики и Леванта. В Китае лидеры аграрной революции одомашнили рис, просо и свинью, а первые фермеры Америки, утомившись копать землю в поисках съедобных корнеплодов, принялись разводить тыквы. На Новой Гвинее произошла «сладкая революция» – тут пошли в рост бананы и сахарный тростник, а в Западной Африке передовые силы человечества тем временем открывали возможности африканского риса и проса, сорго и пшеницы. Из этих поначалу действительно локальных очагов земледелие начало распространяться вдаль и вширь. К первому веку н. э. сельское хозяйство в той или иной форме освоило почти все население Земли.

Регионы и даты аграрных революций. Даты и карта постоянно пересматриваются с учетом новейших археологических открытий

Почему аграрная революция произошла на Ближнем Востоке, в Китае и Центральной Америке, а не в Австралии, Южной Африке, на Аляске? Ответ прост: большинство растений и животных невозможно приручить. Сапиенсы могли сколько угодно выкапывать из земли вкуснейшие трюфели и убивать шерстистых мамонтов, но ни тот ни другой вид не удалось бы одомашнить, как ни трудись. Грибы слишком привередливы, а мамонты чересчур свирепы. Из тысяч видов растений, плоды которых собирали наши предки, и животных, добываемых ими на охоте, очень немногие годились для искусственного разведения. Эти немногие виды имелись далеко не всюду – но именно там, где они были, и происходили аграрные революции.

* * *

Когда-то ученые были единодушны: аграрная революция – огромный шаг вперед для человечества. Они рассказывали историю прогресса, где главным героем сюжета был человеческий разум. Эволюция постепенно производила все более разумных людей. Наконец люди сделались настолько умны, что разгадали тайны природы, приручили овец и принялись разводить пшеницу. Как только это произошло, они радостно отказались от трудной, опасной, зачастую голодной жизни охотников и собирателей, перестали кочевать и зажили крестьянской жизнью в сытости и довольстве.

Все это сказка. Нет никаких доказательств того, что люди из поколения в поколение умнели. Охотники и собиратели прекрасно ориентировались в тайнах природы задолго до аграрной революции, ведь выжить они могли только благодаря точному знанию повадок животных, на которых охотились, и свойств растений, которые собирали. Аграрная революция отнюдь не стала началом новой, легкой жизни – древним земледельцам жилось куда труднее, а подчас и более голодно, чем собирателям. Охотники и собиратели вели более здоровый образ жизни, не так много трудились, находили себе более разнообразные и приятные занятия, реже страдали от голода и болезней. Благодаря аграрной революции общий объем потребляемой человечеством пищи, безусловно, увеличился, но больше еды – это вовсе не обязательно более полезная диета или больше досуга. Нет, в результате произошел демографический взрыв и возникла элита, но среднестатистический скотовод или земледелец работал больше, а питался хуже, чем среднестатистический охотник или собиратель. Аграрная революция – величайшая в истории афера.

Кто же обманщик? Тогда еще не было царей, жрецов и купцов. Не они обманули человека, а несколько видов растений – пшеница, рис и картофель. Не *Homo sapiens* приручил их – скорее это растения заставили человека служить себе.

Давайте взглянем на аграрную революцию с точки зрения пшеницы. Десять тысяч лет назад это был всего лишь полевой злак, один из множества, ареал ее распространения ограничивался небольшой территорией на Ближнем Востоке. Прошло всего несколько тысячелетий – и она захватила весь мир. Если исходить из базовых критериев – выживание и репродукция, то пшеница окажется одним из самых успешных растений в истории Земли. В таких регионах, как Великие Равнины Северной Америки, 10 тысяч лет назад не росло ни единого колоска, а сегодня на площади в многие сотни квадратных километров не встретишь ничего, кроме пшеницы. Поля пшеницы покрывают около 22,5 миллиона квадратных километров земной поверхности – это в десять раз больше территории Великобритании. Каким образом неприметное растение распространилось столь повсеместно?

Пшеница добилась своего, обманув беднягу сапиенса. Полуобезьяна жила себе счастливо, охотилась и собирала растительную пищу, но примерно 10 тысяч лет назад занялась культивированием пшеницы. Прошло едва ли два тысячелетия – и во многих уголках Земли люди с рассвета до заката лишь тем и занимались, что сажали пшеницу, ухаживали за пшеницей, собирали урожай.

Это нелегкая работа. Для земледелия требуются совместные усилия многих крестьян. Пшеница не растет посреди камней, так что сапиенсы, надрываясь, расчищали поля. Пшеница не любит делиться солнцем, водой и питательными веществами с другими растениями, так что мужчины и женщины день напролет под палящим солнцем выпалывали сорняки. Пшеница болеет – сапиенсам пришлось оберегать ее от вредителей, от фузариоза и прочих недугов. Пшеница не может защитить себя от животных, которые вздумают ею полакомиться, будь то кролики или саранча. Поэтому крестьянам приходилось строить заборы и охранять поля. Пшеница – водохлеб, и люди таскали воду из источников и ручьев, поливали свой будущий урожай. Чтобы утолить голод пшеницы, сапиенсы начали собирать экскременты животных и удобрять ими почву, на которой она росла.

Тело *Homo sapiens* было не предназначено для таких задач. Эволюция приспособила человека лазить на яблоню и гнаться за газелью, а не очищать поля от камней и таскать туда воду. Позвоночник, колени, шеи и стопы платили дорогой ценой. Исследования древних скелетов показали, что с возникновением сельского хозяйства появилось и множество болезней: смещение дисков, артрит, грыжа. К тому же сельскохозяйственные работы поглощали столько времени, что людям пришлось осесть, жить рядом со своими полями. Образ жизни радикально изменился. Нет, это не мы одомашнили пшеницу. Это она одомашнила нас. В слове «одомашнила» слышится корень «дом». А кто живет в доме? Ведь не пшеница, а мы – *Homo sapiens.*

Как пшеница убедила человека сменить привольную жизнь на это тягостное существование? Что она предложила взамен? Отнюдь не более полезную диету. Как вы помните, человек – всеядная обезьяна, он питался самыми разнообразными продуктами. До аграрной революции зерновые составляли малую долю в его рационе. А питаться одними зерновыми отнюдь не полезно – эта диета бедна витаминами и микроэлементами, зерновые плохо перевариваются, страдают зубы и десны.

Пшеница даже не гарантировала людям безбедную жизнь. Существование крестьянина в этом смысле тяжелее, чем участь охотника-собирателя. Древние люди кормились многими десятками видов растений и животных, а потому могли продержаться и в голодные годы, даже не имея запасов так или иначе законсервированной пищи. Если сокращалось поголовье какого-то животного или исчезал какой-то вид растений, люди собирали другие виды растений или охотились на других животных. Крестьянские же общины до недавнего времени питались ограниченным набором одомашненных растений. В целом ряде регионов это было единственное

растение – пшеница, картофель или рис. Проливные дожди, стая саранчи или грибок, мутировавший и сумевший заразить это растение, приводили к повальной гибели земледельцев – умирали тысячи, десятки тысяч, миллионы.

Не защищала пшеница и от насилия. Первые земледельцы оказались столь же (а то и более) агрессивными, как их предки-кочевники. У крестьян уже появляется личное имущество, и им нужна земля для возделывания. Если соседи захватят пастбище или поле, то община погибнет от голода, а значит, теперь уже не оставалось возможности для компромиссов и уступок. Охотники-собиратели попросту перебирались на другое место, если их прижимали сильные соседи, но для деревни переселиться под натиском врага значило бросить поля, дома и амбары. Как правило, беженцы были обречены голодать, а потому крестьяне предпочитали биться до конца.

Многие антропологические и археологические исследования указывают, что в простых аграрных обществах, где еще не имелось социальных структур выше деревни и племени, насилие было причиной примерно 15 % всех смертей (25 % смертей среди мужского населения). У земледельческого племени дани на Новой Гвинее насильственная смерть уносит 30 % мужчин. У другого племени, энга, – до 35 %. В Эквадоре вероятность насильственной смерти для мужчины из племени уаорани составляет 60 %[24]. Постепенно с хищной природой человека удалось отчасти совладать, выстроив более сложные социальные структуры: города, царства, империи. Но на создание эффективных социальных и политических структур ушли тысячелетия.

Крестьянская жизнь принесла людям как обществу защиту от диких животных, дождя и холода. Но для каждого человека в отдельности недостатки перевешивали достоинства. Мы в наших современных благополучных обществах едва ли в состоянии представить себе это. Поскольку мы живем в безопасности и изобилии, а наши безопасность и изобилие проистекают из основ, заложенных аграрной революцией, мы, естественно, воспринимаем эту революцию как величайший прогресс. Однако оценивать тысячелетия с точки зрения сегодняшнего дня в корне неверно. Попробуйте представить себе трехлетнюю девочку в Китае I века. Сказала бы она, умирая от недоедания: «Да, мне жалко умирать, но зато через две тысячи лет у людей будет вдоволь еды, а жить они будут в больших домах с кондиционерами, так что я погибаю не зря»?

Какую же приманку предложила пшеница земледельцам – что она посулила всем, в том числе голодной китайской девочке? По отдельности каждому человеку она не предложила ничего особенного, но как вид *Homo sapiens* действительно оказался в выигрыше. Пшеница давала гораздо больше калорий на единицу площади, чем все прежние источники пищи, и *Homo sapiens* начал размножаться по экспоненте. Примерно за 13 тысяч лет до н. э., когда люди питались дикими растениями и охотились на диких животных, в Иерихонском оазисе Палестины могла прокормиться кочующая группа примерно из ста особей – здоровых и, по-видимому, довольных. Около 8,5 тысячи лет до н. э., когда на смену диким растениям пришли пшеничные поля, тот же оазис уже поддерживал жизнь тысячи человек – правда, уже стесненную, полуголодную и нездоровую.

Успех эволюции вида измеряется не наличием или отсутствием голода или болезней, а количеством повторений его ДНК в следующем поколении. Подобно тому как успех компании измеряется количеством долларов на счете, так и эволюционный успех вида измеряется числом носителей данной ДНК. Если носителей ДНК не остается, это означает, что вид вымер, как отсутствие денег на счете означает, что компания обанкротилась. Если же носителей ДНК много, значит, для этого вида эволюция идет в правильном направлении. С этой точки зрения 1000 особей всегда лучше, чем 100. И в этом суть аграрной революции – в появлении гораздо большего числа представителей *Homo sapiens*, живущих в худших условиях.

Но какое дело до этих эволюционных расчетов отдельной особи? С какой стати отдельному человеку жертвовать своим уровнем жизни ради того, чтобы размножались носители того

же генома? В том-то и дело, что согласия ни у кого не спрашивали. Аграрная революция была ловушкой.

Ловушка роскоши

Распространение обработки земли происходило медленно, на протяжении веков и тысячелетий, а не так что группа *Homo sapiens*, собиравшая грибы и орехи, охотившаяся на кроликов и оленей, вдруг осела, построила деревню и начала пахать землю, сажать пшеницу и таскать для полива воду из ближайшей реки. Перемены происходили постепенно, и каждая стадия вносила почти незаметные изменения в повседневный быт.

На Ближнем Востоке люди появились примерно 70 тысяч лет назад. 50 тысяч лет они успешно обходились без сельского хозяйства. Природных ресурсов хватало, численность людей поддерживалась на приемлемом уровне. В сытые годы люди рожали больше детей, в неудачные – меньше. У людей, как у большинства млекопитающих, работали гормональные и генетические механизмы, контролировавшие процесс размножения. В сытые времена девочки раньше достигали полового созревания, и шанс на оплодотворение повышался. В голодную пору половое созревание задерживалось, и шансы на беременность снижались.

К этим природным механизмам контроля рождаемости добавлялись и социальные. Для кочевников младенцы и малыши, которые передвигаются медленно и требуют лишних забот, – бремя. Женщины старались рожать не чаще, чем раз в три-четыре года. Они держали детей у груди весь день напролет до позднего возраста (круглосуточное сосание груди существенно снижает шансы нового зачатия). Применялись и другие методы: полное или частичное половое воздержание (тут могли пригодиться табу), аборты, а порой и детоубийство[25].

На протяжении этих долгих тысячелетий люди порой ели пшеницу, однако особой роли в их рационе злаки не играли. Примерно 18 тысяч лет назад закончился последний ледниковый период и началось глобальное потепление. Средняя температура воздуха росла, увеличивалось и количество осадков. Новые климатические условия оказались идеальными для ближневосточной пшеницы и других злаков, они размножились и распространились. Люди стали употреблять в пищу больше пшеницы – и поневоле сделались ее рекламными агентами. Колосья прямо с поля в пищу не употребишь: зерно нужно обмолотить, размолоть, желательна также термическая обработка. Итак, набрав колосьев, люди возвращались в свой временный лагерь и там принимались за работу. Зерна пшеницы были мелкими, их было много в каждом колосе, и по дороге в лагерь часть семян рассыпалась. В результате поблизости от лагерей, на облюбованных людьми тропах, пшеницы вырастало все больше.

Способствовало ее распространению и подсечно-огневое земледелие. Огонь уничтожал деревья и кустарник, и пшеница единолично присваивала себе солнечный свет, воду и питательные вещества. Там, где пшеницы оказывалось особенно много, где водилась дичь и имелись в изобилии другие источники пищи, люди могли разбить лагерь и осесть на сезон, а то и вернуться в следующем.

На первых порах период оседлости длился всего месяц, пока собирали урожай. В следующем поколении лагерь задерживался еще на неделю сверх месяца, потом на две и постепенно превратился в деревню. Следы таких поселений обнаруживаются во многих точках Ближнего Востока, особенно в Леванте, где с XIII по X тысячелетие до н. э. процветала натуфийская культура. Представители этой культуры были охотниками и собирателями, они использовали в пищу десятки диких видов животных и растений, однако уже поселились в деревнях и значительную часть времени тратили на сбор и обработку дикорастущих злаков. Они строили каменные дома и амбары, запасали зерно на голодные годы. Натуфийцы изобрели новые орудия труда: каменные серпы для жатвы, каменные ступы и песты, чтобы перетирать зерна.

После середины X тысячелетия наследники этой культуры продолжали собирать и обрабатывать зерновые, но они также научились культивировать их все более изощренными способами. Собирая урожай, они оставляли часть семян в поле, чтобы те проросли на следующий год. Выяснилось, что урожай заметно увеличивается, если закопать семена глубоко в землю, а не просто рассыпать их на поверхности почвы. Тогда люди принялись рыхлить и пахать землю. Затем они научились пропалывать поля, оберегать всходы от вредителей, поливать их и удобрять. И чем больше усилий затрачивалось на сохранение урожая, тем меньше времени оставалось для сбора дикорастущих растений и для охоты. Так охотники-собиратели превратились в земледельцев.

Женщина, собиравшая дикие злаки, не превращалась за ночь в крестьянку, возделывающую пшеницу, а потому трудно указать точный момент, когда произошел окончательный переход к земледельческой культуре. И все же к середине IX тысячелетия до н. э. Ближний Восток представлял собой уже конгломерат поселений вроде того же Иерихона, жители которых основную часть времени занимались культивированием небольшого числа одомашненных видов.

В постоянных деревнях с непривычно большими запасами пищи население стало увеличиваться. Отказавшись от кочевого образа жизни, женщины смогли рожать хоть каждый год.

Теперь младенцев отлучали от груди в более раннем возрасте, ведь их можно было кормить кашей. Появление детей приветствовалось: для работы в поле не хватало рук. Но вместе с руками появлялись и лишние рты, быстро поглощавшие избытки пищи, а значит, приходилось распахивать все новые поля. Из-за скученности легко распространялись инфекции, дети питались в основном злаками, а не материнским молоком, причем каждому ребенку приходилось конкурировать за свою порцию со все большим числом братьев и сестер – неудивительно, что уровень детской смертности стремительно рос. В большинстве аграрных общин как минимум один из трех детей умирал, не достигнув 20 лет[26]. Но рост рождаемости заметно перекрывал уровень смертности, и на свет появлялось все большее число все более обездоленных детей.

Со временем невыгодность «сделки с пшеницей» становилась все более очевидной. Дети умирали, взрослые в поте лица добывали хлеб насущный. Жизнь иерихонца в середине IX тысячелетия до н. э. стала явно тяжелее, чем в X или XIII, но никто так и не понял, что происходит. Поколения жили почти в точности как их отцы, разве чуточку более «эффективно». Множество «усовершенствований», каждое из которых для того и предназначалось, чтобы сделать жизнь легче, в совокупности превратилось в жернов на шее каждого земледельца.

Как могли люди просчитаться столь роковым образом? По той же причине, по которой они вечно обманываются. Люди не способны предугадать последствия принятого решения во всей полноте. Всякий раз они вроде бы подписывались на незначительное усложнение работы – скажем, не просто рассыпать семена, а еще и мотыжить предварительно землю. Они говорили себе: «Да, придется поработать. Но зато какой мы соберем урожай! Не придется волноваться из-за будущего недорода. Наши дети никогда больше не будут голодать. То-то заживем!» Звучит убедительно: поработаешь – будешь жить лучше. Таков был изначальный план.

Первая часть плана прошла как по маслу. Люди и в самом деле хорошо поработали. А потом вмешались непредвиденные факторы и все испортили. Люди не смогли предугадать, что число детей тоже вырастет и придется кормить больше ртов. И уж вовсе не могли первые земледельцы знать, что, когда дети вместо материнского молока будут получать кашу, их иммунитет ослабеет. Постоянные деревни стали рассадниками инфекционных болезней. Не предвидели люди и того, что, увеличивая свою зависимость от одного-единственного источника пищи, подвергают себя огромному риску в случае стихийных бедствий. К тому же переполненные амбары привлекали воров и врагов, и пришлось строить стены, вооружаться и сторожить свое добро.

Почему же люди не отказались от этого проекта, убедившись в его минусах? Отчасти потому, что, пока все минусы стали ясны, сменились поколения, и уже никто не помнил, как люди жили раньше. А также потому, что люди, усердно размножаясь, сожгли за собой мосты: если благодаря земледелию население деревни увеличилось со 100 человек до 110, то десяти «лишним» пришлось бы умереть с голоду, чтобы их сородичи вернулись к добрым старым обычаям. Выхода уже не было – ловушка захлопнулась.

Погоня за легкой жизнью завела в тупик – это был первый опыт такого рода, но далеко не последний. Как часто молодые люди после окончания учебы поступают на работу в известные фирмы, давая себе при этом слово, что будут работать как проклятые, чтобы накопить достаточно, только до 35 лет. Затем займутся делом своей мечты. Но в 35 у них ипотека, дети в приличной дорогой школе, необходимость содержать две машины, оплачивать домработницу… и ощущение, что без приличного вина и отдыха за границей и жить-то не стоит. Неужто возвращаться к примитивному существованию. Нет, выход один – работать больше и продолжать пытаться откладывать.

Один из немногих «железных законов» истории: роскошь превращается в необходимость и порождает новые обязанности. Как только человек привыкает к новому удобству, он принимает его как само собой разумеющееся, а потому рассчитывает на него. Наступает момент, когда уже и обойтись без привычного невозможно. Приведем еще один знакомый пример из нашего времени. За последние десятилетия люди изобрели всяческую бытовую технику, существенно экономящую время: стиральные машины, пылесосы, посудомойки, а также мобильные телефоны, компьютеры, Интернет. Предполагалось, что жизнь станет приятнее и спокойнее. Раньше приходилось, написав письмо, класть его в конверт, покупать марку, нести письмо как минимум до почтового ящика. А потом проходили дни и недели, а то и месяцы, пока дождешься ответа. Ныне я печатаю электронное письмо, отправляю его на другой край света, и, если адресат сейчас тоже сидит перед компьютером, минуту спустя он уже отреагирует. Вот сколько времени и усилий я сэкономлю – но могу ли утверждать, что моя жизнь и впрямь сделалась приятнее и спокойнее?

Вот уж нет. В эпоху «бумажной почты» люди писали письма лишь тогда, когда требовалось сообщить нечто действительно важное. Они не бросали на бумагу первые пришедшие в голову мысли, а тщательно продумывали, что нужно сказать и как это сформулировать. И на ответ рассчитывали столь же продуманный. Обычный человек за месяц отправлял и получал примерно с полдюжины писем, и никто не чувствовал себя обязанным отвечать в ту же минуту. Сегодня я каждый день получаю не полдюжины, а полсотни писем, и все ждут от меня немедленного отклика. Мы хотели сэкономить время, а вместо этого переключили беговую дорожку на следующую скорость, понеслись в десять раз быстрее, и наши дни больше прежнего наполнены хлопотами, мы все больше нервничаем и не контролируем происходящее.

Время от времени какой-нибудь отшельник-луддит отказывается заводить себе ящик электронной почты. Так же как тысячи лет тому назад некоторые группы людей не пожелали осесть и пахать землю и избежали приманки роскоши. Но для торжества аграрной революции участие всех обитавших в этом регионе групп и не требовалось – достаточно было одной. Как только одна группа людей переходила к оседлому образу жизни и сажала первые семена или клубни – будь то на Ближнем Востоке или в Центральной Америке, – за будущее земледелия можно было не опасаться. Тут же начинались существенные демографические процессы, население деревни росло, и земледельцы уже в силу своей многочисленности оказывались сильнее охотников-собирателей – тем оставалось либо бежать, бросив свои охотничьи угодья, либо самим браться за мотыги и пасти скот. В любом случае традиционный образ жизни был обречен.

История о ловушке роскоши содержит важный урок. В поисках легкой жизни человечество высвободило мощные преобразующие силы, которые стали менять мир в непредвиденном

и даже нежеланном для человека направлении. Никто не планировал аграрную революцию и не добивался умышленно зависимости человека от зерновых. Был принят ряд несложных решений с простой ближайшей целью – наполнить желудки, обеспечить какую-никакую безопасность, – но в совокупности эти решения вынудили древних охотников-собирателей таскать под палящим солнцем бесчисленные сосуды с водой и поливать эту клятую пшеницу.

Вмешательство свыше

Теория ловушки рассматривает аграрную революцию как досадную ошибку, и, вполне возможно, это верный взгляд: в истории найдется немало примеров куда более глупых просчетов. Но существует и другая гипотеза. Возможно, к столь радикальным переменам привело не желание облегчить жизнь. У человека могли быть и другие цели – что, если он сознательно осложнил себе жизнь как раз ради их достижения?

Ученые стараются свести исторические факторы к строгим понятиям экономики и демографии – этого требует рациональное, математическое мышление. Но при изучении современной истории невозможно сбросить со счетов нематериальные факторы, такие как идеология и культура. Тут мы располагаем письменными свидетельствами, которыми не вправе пренебречь. Множество документов, писем и мемуаров убедительно доказывают, что Вторая мировая война началась не из-за недостатка пищи или переизбытка населения. Однако документов натуфийской культуры не существует, а потому в изучении столь древних эпох последнее слово остается за материалистами. Как докажешь, что те, еще не знавшие письменности люди руководствовались скорее верой, чем экономическими соображениями?

Декорированная резьбой каменная стела высотой около 5 метров. Справа: руины монументальной постройки в Гёбеклитепе

Но иногда, очень редко, удача посылает нам ключ и к этой загадке. В 1995 году археологи начали раскапывать участок на юго-востоке Турции, в Гёбекли-тепе. В древнейшем слое не обнаружилось следов поселения, домов и предметов быта, но там нашлись монументальные конструкции, украшенные причудливой резьбой, – стелы весом под 7 тонн и высотой 5 метров,

а в каменоломне неподалеку откопали еще не законченную стелу весом 50 тонн. Всего археологи нашли свыше десятка таких конструкций, ширина самой крупной из которых превышала 30 метров.

Археологи делали подобные открытия и в других регионах: самый знаменитый пример – Стоунхендж в Англии. Но Гёбекли-тепе разительно отличается от всех известных прежде монументальных построек: Стоунхендж датируется серединой III тысячелетия до н. э., он был построен членами развитого земледельческого общества. А сооружения Гёбекли-тепе гораздо древнее и, судя по ряду признаков, были возведены охотниками-собирателями! Поначалу археологи не верили собственным глазам, но все анализы подтверждали и раннюю датировку, и несельскохозяйственный образ жизни строителей. Значит, и способности древних охотников-собирателей, и сама структура их общества, и их культура были намного более сложными, чем прежде допускала наука.

Зачем кочевники обтесывали эти стелы и накрывали их каменной крышей? Никакой материальной пользы у подобных сооружений не было и быть не могло – это не бойня для мамонтов, не убежище от дождя или львов. Остается лишь одна правдоподобная теория: это культовые сооружения, над загадкой которых археологам предстоит биться еще долго. Назначение их неизвестно, однако древние собиратели-охотники не жалели на них времени и труда. Построить Гёбекли-тепе могли бы лишь тысячи кочевников из разных групп и племен, если бы объединились для сотрудничества, причем на долгие дни. К такому координированному коллективному усилию подвигнуть людей способна лишь развитая религия или идеологическая система.

В недрах Гёбекли-тепе скрывалась еще одна тайна. Много лет генетики пытались выяснить происхождение одомашненной пшеницы. Недавние открытия указывают, что по крайней мере одна из одомашненных разновидностей пшеницы – однозернянка – родом с гор Караджа-даг, а до них от Гёбекли-тепе всего 30 километров[27].

Едва ли это совпадение. По-видимому, архитектурный комплекс Гёбекли-тепе как-то связан с историей одомашнивания пшеницы людьми (или людей – пшеницей). Чтобы прокормить тех, кто строил эти монументальные здания, а потом собирался в них, требовались огромные запасы продуктов. Вполне допустимо предположение, что охотники-собиратели перешли от использования дикорастущей пшеницы в качестве подножного корма к интенсивному возделыванию не потому, что решили запастись зерном впрок, но потому, что иначе невозможно было бы соорудить храм и поддерживать его деятельность. Религия – вот что вынудило эти группы людей пойти на жертвы, которых добивалась от них пшеница. Раньше предполагалась такая последовательность: люди переходят к оседлому образу жизни, строят деревню, а когда наступает изобилие, то в центре ее возводят храм. Находки в Гёбекли-тепе указывают, что первым делом, возможно, строился храм, а уж потом вокруг него вырастала деревня.

Жертвы революции

Фаустова сделка между людьми и зерновыми культурами была не единственной между человечеством и дьяволом. Еще одна сделка определила судьбу овец, коз, свиней и кур. Кочевники, охотившиеся на диких баранов, постепенно изменили структуру стад, за счет которых они кормились. Этот процесс начался, вероятно, с выборочной охоты. Люди поняли, что выгоднее убивать только взрослых самцов, а из самок лишь старых и больных. Ягнят и годных к оплодотворению самок оставляли, чтобы обеспечить воспроизводство стада. Следующим этапом стала активная защита овец – от львов, волков, а возможно, и пришлых охотников. Дальше – больше: стадо загоняли в ущелье, где было проще его контролировать и охранять. И наконец, люди стали отбирать тех особей, которые больше всего подходили для удовлетворения их потребностей. Агрессивных самцов, противившихся контролю человека, забивали в первую очередь. Затем шли самки, которые плохо нагуливали жир или проявляли излишнее любопытство (пастухи не склонны поощрять скотину, норовящую отбиться от стада). Из поколения в поколение овцы становились все тучнее, все покорнее, утрачивали любознательность. И вот вам результат:

У Мэри был барашек, он снега был белей.
Идет куда-то Мэри, и он идет за ней[4].

Альтернативная версия: охотники поймали и приручили ягненка, откармливали его в пору изобилия, а в голодную пору зарезали. На следующий год они сообразили оставить при себе нескольких ягнят. Кому-то из малышей посчастливилось дожить до зрелости, овцы дали приплод. Первыми, естественно, шли под нож агрессивные и непослушные. А более послушные, более симпатичные овечки жили дольше и даже размножались. Так и появилось стадо одомашненных, ручных овец.

Эти прирученные животные – овцы, куры, ослы и прочие – обеспечили человека пищей (мясом, молоком и яйцами) и материалами для изготовления одежды (шерстью и шкурами). Пригодилась и их физическая сила: транспортировка, пахота, молотьба и другие работы, до сих пор исполнявшиеся самими людьми, все чаще перекладывались на выносливых животных. Большинство аграрных общин специализировалось на земледелии, а скотоводство было побочным занятием, но местами складывался и другой тип общества – скотоводческие племена, основу экономики которых составляла эксплуатация животных.

По мере того как люди распространялись по всему миру, с ними распространялись и домашние животные. 10 тысяч лет назад овец, крупного рогатого скота, коз, свиней и кур

[4] Пер. Б. Далматова.

насчитывалось всего лишь несколько миллионов, и то в ограниченных регионах Африки и Азии. Сегодня на Земле живет почти миллиард овец, миллиард свиней, крупного рогатого скота свыше миллиарда особей, 25 миллиардов кур – и мы встречаем их повсюду.

Домашние куры – самый распространенный в мире вид птиц. Крупный рогатый скот, свиньи и овцы занимают соответственно второе, третье и четвертое место среди крупных млекопитающих (на первом месте – сам человек). С точки зрения эволюции сельскохозяйственная революция оказалась благом для кур, коров, свиней и овец.

К сожалению, одного этого параметра недостаточно, чтобы судить об успехе. Эволюция рассматривает лишь выживание и размножение вида, без учета индивидуальных страданий или радостей. Эволюции наплевать на чувства животного – важно лишь, насколько широко распространится ДНК данного вида. Одомашнивание кур и скота можно считать успехом с точки зрения эволюции, но ведь это самые несчастные живые существа на Земле. Одомашнивание базировалось на жестоких правилах и практиках, которые из века в век становилось все более безжалостными.

Естественная продолжительность жизни курицы составляет 7-12 лет, крупного рогатого скота – 20–25 лет. В диких условиях большинство птиц и животных погибает гораздо раньше, но все же у них есть шанс прожить изрядное количество лет. И напротив, большую часть одомашненных кур и животных режут в возрасте от нескольких недель до нескольких месяцев, поскольку так заведомо выгоднее – зачем кормить петуха до трех лет, если после трех месяцев он перестает нагуливать вес?

Куры-несушки, дойные коровы и тягловый скот, как правило, получают отсрочку и могут прожить много лет – но какой ценой? Рабство, жесточайший режим эксплуатации, образ жизни, совершенно чуждый потребностям и желаниям живого существа. Уж наверное, быки предпочли бы свободно бродить в прерии вместе с другими быками и коровами, чем таскать груженые телеги и плуги, повинуясь кнуту возомнившей о себе обезьяны.

Чтобы превратить быков, лошадей, ослов и верблюдов в покорный тягловый скот, нужно было уничтожить их естественные инстинкты и социальную структуру стада, подавить сексуальность и агрессию, ограничить свободу передвижения. С этой целью крестьяне разрабатывали разные приемы: запирали животных в хлев или в клетку, взнуздывали ремнями и поводьями, дрессировали их с помощью кнута и стрекала, увечили. Одомашнивание почти всегда подразумевает кастрацию самцов – они становятся менее агрессивными. Человек таким образом получает возможность контролировать процесс размножения.

Во многих общинах Новой Гвинеи богатство человека традиционно измеряется количеством принадлежащих ему свиней. Чтобы свиньи не разбежались, крестьяне на севере острова обрезают каждой свинье пятачок: с таким увечьем свинье больно нюхать, и она не может ни сама прокормиться, ни даже найти дорогу, то есть впадает в полную зависимость от хозяина. В другом регионе Новой Гвинеи прежде был обычай выкалывать свиньям глаза[28].

Молочная промышленность тоже научилась выжимать из скота все до капли. Коровы, козы и овцы доятся только после рождения телят, козлят и ягнят – и только до тех пор, пока детеныши сосут вымя. Чтобы получать молоко, крестьянин должен был дождаться приплода, но помешать детенышу присвоить все молоко. Самый обычный метод, применяющийся издревле и до сих пор, – попросту убивать козлят и телят вскоре после рождения, доить самку досуха, а затем снова ее оплодотворять. Этот обычай и сейчас распространен. На современных молочных фермах корове, как правило, отпущено примерно пять лет жизни, затем ее отправляют на бойню. Эти пять лет она проводит почти в постоянной беременности, через два-четыре месяца после рождения теленка ее оплодотворяют вновь, чтобы не прерывать производство молока. Телят отбирают вскоре после рождения – из телочек выращивают следующее поколение молочных коров, а бычков отдают на мясокомбинат[29].

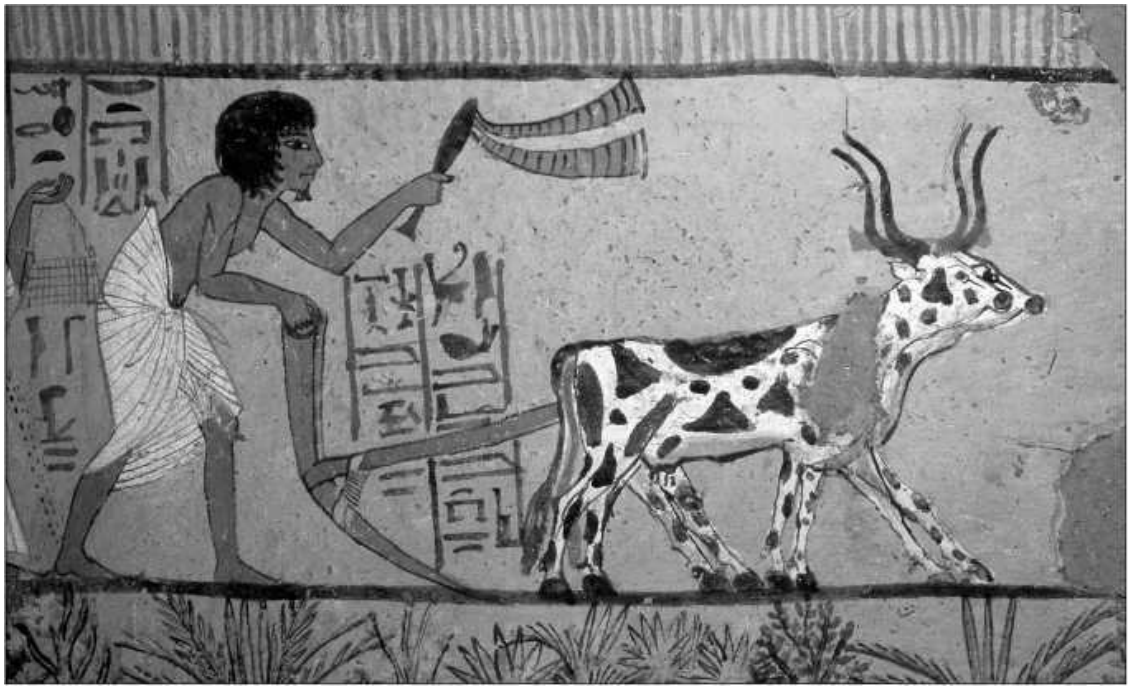

Рисунок из египетской гробницы около 1200 года до н. э. Пара волов пашет поле. В природе скот жил на воле, в больших стадах со сложной социальной структурой, а одомашненный кастрированный вол влачил существование в тесном хлеву, под ударами бича, трудясь в одиночестве или в паре. Этот образ жизни не соответствует ни физическим, ни эмоциональным, ни социальным потребностям животного. Когда вол стареет и не может больше тащить плуг, его убивают. (Обратите внимание и на согбенную позу египетского крестьянина – тот, подобно волу, тоже большую часть жизни проводил в тяжелом труде, губительном для тела, разума и социальных отношений)

Другой метод – держать телят и козлят вместе с матками, но не допускать, чтобы им доставалось много молока. Самый простой способ – подпустить теленка или козленка к вымени и отогнать, как только пойдет молоко. Обычно такому насилию противятся и самка, и детеныш. Иные пастушеские племена поступают намного изощреннее: они убивают козленка, мясо съедают, а из шкуры изготавливают чучело и предъявляют его матери, чтобы стимулировать лактацию. Племя нуэр в Судане даже поливало чучело мочой самки, чтобы та почуяла живой и знакомый запах.

Применяли нуэр и другую хитрость: обвязывали морду теленка колючками – когда он начинает сосать, мать чувствует боль и сама отгоняет малыша[30]. Туареги, разводившие верблюдов в Сахаре, отрезали или протыкали молодняку нос и верхнюю губу, чтобы затруднить сосание молока[31].

* * *

Аграрные общины проявляли такую безжалостность к одомашненным животным не всегда. Кое-кому из прирученных зверей, можно сказать, повезло. Овцы, которых разводили не ради мяса, а ради шерсти, любимые кошки и собаки, а также кони – боевые и участники скачек – наслаждались немалыми привилегиями. Римский император Калигула якобы даже хотел назначить любимого жеребца Инцитата консулом. Пастухи и земледельцы нередко бывали добры к своим животным и хорошо заботились о них – так многие рабовладельцы уделяли

внимание своим рабам. Не случайно цари и священники стали именовать себя пастырями и сравнивали свое или божье попечение и заботу о народе с тем, как пастух печется о стаде.

Но если рассматривать историю с точки зрения стада, а не пастуха, поневоле складывается впечатление, что для большинства одомашненных животных эта самая аграрная революция обернулась ужасным несчастьем. Так ли уж ценен пресловутый «эволюционный успех»? Кем бы вы предпочли быть – диким носорогом, пусть и на грани вымирания, или теленком, который проведет недолгую жизнь в тесном хлеву, получая лишь ту пищу, от которой из него должны получиться особенно сочные стейки? Довольный жизнью носорог едва ли терзался размышлениями об участи своего вида. Последний так последний. А многочисленность домашних коров едва ли утешает каждого теленка в отдельности и уж никак не компенсирует его страдания.

Теленок на современной промышленной ферме. Сразу после рождения его отделяют от матери и запирают в клетку, размеры которой незначительно превышают размер самого животного. Так и проходит вся его короткая жизнь – в среднем четыре месяца. Теленок не покидает клетку и не играет с сородичами, не бывает на свободе, потому что люди не хотят, чтобы он нагулял крепкие мышцы. Мягкие мышцы нежнее. Единственный раз он пройдется, разомнет ноги, понюхает других телят – по пути на бойню. С эволюционной точки зрения коровы оказались одним из самых успешных видов на Земле, но они же и самые несчастные животные на планете

Несовпадение эволюционного успеха и личного благополучия – пожалуй, важнейший урок, какой мы можем извлечь из аграрной революции. Если для растений – пшеницы, кукурузы – этот эволюционный прорыв и можно считать благом, то применительно к животным, таким как коровы, овцы, сапиенсы, наделенным комплексом чувств и переживаний, дело обстоит сложнее. В следующих главах мы будем время от времени возвращаться к тому, как

стремительный рост коллективной мощи и явный эволюционный успех нашего вида сопровождались ростом индивидуальных страданий.

Глава 6
Строительство пирамид

Аграрная революция – одно из самых противоречивых событий в истории. Некоторые ученые твердят, что она вывела человечество на путь прогресса и процветания. Другие уверены: на той развилке человечество выбрало тропу, ведущую в бездну. То была точка невозврата, утверждают они: *Homo sapiens* отрекся от родства с природой и устремился навстречу алчности и отчуждению. Но куда бы ни вела эта дорога, обратного пути нет. Население в деревнях росло так стремительно, что развитая аграрная община уже не смогла бы прокормиться, если бы вздумала вернуться к собирательству и охоте. Примерно в X тысячелетии до н. э., перед тем как сапиенсы начали возделывать землю, на планете жило всего от 5 до 8 миллионов кочующих охотников и собирателей. К I веку н. э. этих кочевников оставалось всего миллион или два (по большей части в Австралии, Новом Свете и Африке) – ничтожное число по сравнению с 250 миллионами крестьян[32].

Подавляющее большинство крестьян вели оседлый образ жизни, и лишь очень незначительный процент составляли кочевники-скотоводы. Оседлый образ жизни существенно ограничил среду обитания каждого человека. Древние охотники-собиратели, как правило, проходили в своих странствиях десятки и даже сотни километров: вся эта территория – горы, леса, реки и даже открытое небо над головой – была их «домом».

Крестьянин же проводил дни, возясь на небольшом поле или в саду, домом ему служила тесная постройка из дерева, камня или глины, площадью максимум в несколько десятков метров. Крестьянин всем сердцем привязывался к этому убежищу. Это опять-таки была революция, с последствиями как архитектурными, так и психологическими. Привязанность к «своему дому» и отгороженность от соседей – это был новый психологический феномен.

Оседлый земледелец потерял не только значительную часть свободной земли, на которой кочевали его предки, – он оказался в искусственном, далеком от природы ландшафте. Охотники-собиратели мало что меняли на территориях, где странствовали, если не считать умышленных поджогов. Земледельцы же жили в рукотворных оазисах, которые усердно отвоевывали у окружавшей их дикой природы. Они вырубали леса, рыли каналы, расчищали землю под луга и поля, строили дома, прокладывали глубокие борозды и стройными рядами сажали плодовые деревья. В результате складывалась среда, пригодная лишь для человека и «его» животных и растений. Этот вырванный у природы участок еще и обносили забором или стеной. Земледельцы вели оборонительную войну против сорняков и хищников и, если кто-то из этих врагов проникал на огороженную территорию, его тут же изгоняли, а если растение или животное сопротивлялось, люди находили способ его уничтожить. Самую надежную защиту устанавливали вокруг самого «человеческого» пространства, то есть собственно дома. С первых шагов архитектуры и по нынешний день миллиарды людей, вооруженных ветками, мухобойками, тапочками и газовыми баллончиками, не на жизнь, а на смерть ведут войну с деловитыми муравьями, увертливыми тараканами, предприимчивыми пауками и заблудшими козявками, которые постоянно проникают в человеческое жилище.

Большую часть исторического времени созданные человеком анклавы оставались очень маленькими, на них со всех сторон наступала неприрученная природа. Поверхность Земли составляет примерно 518 миллионов квадратных километров, из них 150 миллионов занимает суша. И даже в XIII веке н. э. подавляющее большинство крестьян вместе со своими растениями и животными ютились на территории площадью всего 11 миллионов квадратных километров – на 2 % поверхности планеты[33]. Во всех остальных местах им было слишком холодно или

слишком жарко, слишком сухо или слишком влажно, или что-то мешало возделывать землю. 2 % земной поверхности – вот и вся сцена, где разворачивалась история.

И покидать свои искусственные острова человек не хотел. Расстаться с домом, полем, виноградником – тяжкая утрата и большой риск. К тому же со временем человек обрастал малотранспортабельным имуществом, которое опять-таки привязывало его к месту. Нам древний крестьянин покажется жалким бедняком, но у него с семейством было больше вещей, чем у целого кочевого племени. Для возделывания земли требуется целый набор орудий и различные припасы. Постоянный дом также дал человеку возможность производить и накапливать все большее количество все менее необходимых предметов роскоши, без которых он вскоре уже и не представлял себе существования. Значительная часть деятельности, верований и даже эмоций была направлена на всевозможные артефакты.

Наступает будущее

Охотники-собиратели не загадывали дальше следующей недели или месяца. Крестьяне же в своем воображении, строя планы, уносились в будущее на годы и десятилетия.

Кочевники особенно не думали о завтрашнем дне, поскольку всю добытую пищу сразу же и потребляли: при их образе жизни было затруднительно сохранять пищу или накапливать имущество. Конечно, некоторые планы они тоже строили. Можно с большой уверенностью предположить, что художники Шове, Ласко и Альтамиры создавали картины в расчете не только на свое поколение. Заключались долгосрочные дружественные союзы, так же от отцов к детям передавалась и вражда. Порой уходили годы на то, чтобы воздать добром за добро или злом за зло. Тем не менее экономика охоты и собирательства по самой своей сути препятствовала долгосрочному планированию. И это, как ни парадоксально, избавляло кочевников от многих треволнений. Какой смысл переживать о том, что не в твоей власти?

Аграрная революция придала будущему небывалое прежде значение. Земледелец вынужден постоянно думать о будущем и работать на него. Ведь в основе аграрной экономики лежит сезонный цикл производства: долгие месяцы подготовительных работ и короткий напряженный период сбора урожая. В ночь после сбора обильного урожая крестьяне могли закатить пир и празднество, но уже через неделю им вновь предстояла тяжелая работа от рассвета до заката: хотя ближайшие недели и даже месяцы были обеспечены пищей, они уже думали о следующем годе и о том, который наступит после него.

Постоянная забота о будущем была связана не только с сезонными циклами производства. Сельское хозяйство само по себе – не такой уж надежный источник существования. Поскольку большинство деревень жило за счет весьма ограниченного набора одомашненных растений и животных, в любой момент засуха, наводнение или заразная болезнь могли все погубить. Требовалось производить больше пищи, чем можно потребить, – чтобы делать запасы. Если в амбаре не будет зерна, в подвале сосудов с оливковым маслом, в кладовке сыров и свешивающихся с балок колбас, в неурожайный год все умрут с голоду. А неурожаи непременно будут, раньше или позже – никто не знает. Крестьянин, возомнивший, что изобилие продолжится вечно, долго не проживет.

Таким образом, с самого зарождения сельского хозяйства человека сопровождает тревога о будущем. В тех местах, где поля орошались только дождем, как в Леванте, с наступлением осени дни укорачивались, а лица вытягивались. По утрам земледельцы устремляли взгляд на запад, в сторону моря, принюхивались к ветру, напрягали зрение. Что там – туча? Придут ли дожди вовремя? Не окажутся ли они слишком сильными, не размоют ли почву, не унесут ли прочь проклюнувшиеся ростки? А в долинах Евфрата, Инда и Хуанхэ земледельцы с таким же душевным трепетом замеряли уровень воды: они ждали, чтобы река поднялась, чтобы разветвленная ирригационная система наполнилась водой, и разлив, отступая, оставил на полях

плодородный ил и почву, принесенную с гор. Но слишком сильный или несвоевременный разлив мог оказаться столь же губительным, как и засуха.

Крестьяне беспокоились о будущем не только потому, что появились причины для тревог, но и потому, что теперь от людей уже кое-что зависело. Они могли расчистить поле, выкопать оросительный канал, посадить больше семян. Крестьянин трудился с исступленным усердием муравья: он сажал оливковые деревья, зная, что масло из плодов выжмут его дети, а то и внуки; он откладывал на зиму и на будущий год лакомый кусочек, который не прочь был бы съесть сегодня.

Эти труды и тревоги многое изменили в жизни человека. Они вызвали к жизни весь комплекс социальных и политических систем. Увы, самый трудолюбивый крестьянин не мог обеспечить себе в будущем той экономической безопасности, ради которой он изнурял себя в настоящем. Повсюду в мире появлялись правители, элита, и поглощали накопленные земледельцами запасы пищи, оставляя беднякам лишь скудное пропитание.

Излишки пищи оказались топливом прогресса. Благодаря им зародились политика, войны, искусство и философия. За счет них возведены дворцы и крепости, памятники и храмы. Вплоть до недавних поколений 90 % человечества составляли крестьяне, которые поднимались спозаранку и днями напролет трудились в поте лица. За счет произведенных ими излишков неплохо кормилось незначительное меньшинство: цари, чиновники, воины, жрецы, художники и мыслители – те, чьи деяния наполняют учебники истории. Историю делали очень немногие, а все остальные тем временем пахали землю и таскали ведрами воду.

Воображаемый порядок

Запасы пищи и новые технологии передвижения людей и перемещения грузов побуждали все большие количества людей селиться вместе – сперва в разросшихся деревнях, потом в городах, а затем уже и в мегаполисах. Появилась неслыханная прежде возможность: создавать царства и торговые пути, соединяющие множество деревень и городов.

Но наличие транспорта и излишков пищи само по себе не гарантировало реализацию этих возможностей. Даже если в городе могла прокормиться тысяча человек, даже если бы занятие нашлось для миллиона жителей царства, как разделили бы они между собой землю и воду, как улаживали бы споры, как взаимодействовали бы в пору засухи или войны? Без прочного согласия начинаются раздоры, и запасы зерна в амбаре тут не помогут. Большинство известных истории войн и революций вызвано отнюдь не голодом. Французскую революцию совершили упитанные адвокаты, а не отощавшие крестьяне. Римская республика достигла расцвета своего могущества в I веке до н. э., когда со всего средиземноморского побережья корабли свозили в Рим сокровища, каких предыдущее поколение жителей Вечного города себе и представить не могло. Но именно в эту пору неслыханного изобилия римская политическая система рухнула и истребительные гражданские войны следовали одна за другой. Югославия в 1991 году располагала вполне достаточными ресурсами, чтобы прокормить всех жителей, – и тем не менее после чудовищного кровопролития страна распалась.

Причина всех перечисленных катастроф заключается в том, что сапиенсы не обладают врожденным инстинктом сотрудничества с большими массами чужаков. Миллионы лет люди жили небольшими группами из нескольких десятков особей. За какие-то тысячелетия от аграрной революции до появления городов, царств и империй инстинкт массового сотрудничества не успел достаточно развиться.

Не обладая такого рода биологическим инстинктом, кочевники все же могли объединяться в группы из многих сотен человек: выручала общая мифология. Но эти союзы не отличались прочностью, а функции их были достаточно ограниченными: группы людей обменивались информацией, заключали торговые сделки, иногда собирались вместе для религиозного

праздника или для того, чтобы дать отпор врагу. Но малые группы продолжали жить независимо друг от друга, на полном или почти полном самообеспечении. Если бы 20 тысяч лет назад существовала социология, представитель этой науки, не ведая о надвигающейся аграрной революции и ее последствиях, имел бы все основания предположить, что возможности мифологии отнюдь не безграничны. Легенды о духах предков и племенные тотемы способствовали тому, что 500 человек обменивались ракушками, иногда веселились вместе и дружно истребляли неандертальцев – только и всего. Мифология, сказал бы древний социолог, никогда не заставит ежедневно сотрудничать миллионы незнакомых друг с другом людей.

Но древний социолог был бы неправ. Мифы оказались гораздо могущественнее, чем он мог предположить. Когда аграрная революция позволила основать многолюдные города и великие царства, люди изобрели новые сюжеты: о богах, отечестве и акционерных компаниях, и эти новые мифы объединили людей в общество. Биологическая эволюция, как ей и положено, ползла не быстрее улитки, но воображение строило сети взаимодействия и сотрудничества, каких прежде не знал ни один вид живых существ.

Около 8,5 тысячи лет до н. э. крупнейшие поселения – такие, как Иерихон, – насчитывали несколько сотен жителей. В VII тысячелетии до н. э. город Чатал-Хююк в Анатолии мог похвастаться населением от 5 до 10 тысяч человек. Вероятно, в ту пору это был самый большой город на Земле. В V и IV тысячелетиях до н. э. в Плодородном полумесяце[5] один за другим возникают города с десятками тысяч жителей. Каждый из них господствовал над множеством прилегающих деревень. В 3100 году до н. э. долина Нижнего Нила объединилась в первое Египетское царство. Власть фараонов охватывала тысячи квадратных километров, сотни тысяч подданных. Примерно в 2250 году до н. э. Саргон Великий основал первую империю – Аккадскую. Это уже более миллиона человек, постоянная армия из 5400 солдат. Между 1000 и 500 годами до н. э. на Ближнем Востоке складываются настоящие империи: Позднеассирийская, Вавилонская, Персидская. Речь шла уже о миллионах подданных и десятках тысяч солдат.

[5] Условное название региона на Ближнем Востоке, охватывающего Месопотамию и Левант. *Прим. ред.*

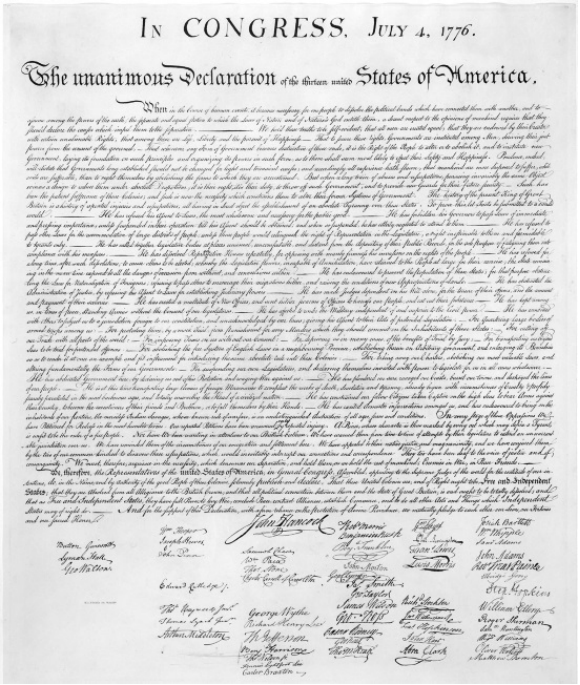

Каменная стела с записанным на ней сводом законов Хаммурапи, ок. 1776 до н. э.

В 221 году до н. э. династия Цин объединила Китай, а Рим примерно в то же время покорил Средиземноморье. 40 миллионов налогоплательщиков Цин содержали постоянную армию из сотен тысяч воинов и сложную бюрократическую систему, включавшую более 100 тысяч чиновников. Римская империя в свои лучшие годы собирала налоги со ста миллионов

подданных, финансируя за счет этих доходов постоянную армию из 250–500 тысяч солдат, строительство дорог, которые использовались и полторы тысячи лет спустя, и театры, где по сей день устраивают представления.

Все это впечатляет, но не стоит смотреть на «сеть массового сотрудничества» в фараоновском Египте или Римской империи сквозь розовые очки. «Сотрудничество» звучит красиво, но оно вряд ли было добровольным и крайне редко – равноправным. Почти всегда эти «сети сотрудничества» служили для угнетения и эксплуатации. Эти сети оплачивали своими драгоценными запасами земледельцы, с отчаянием глядя, как одним росчерком имперского стилоса налоговый чиновник отбирает плоды целого года тяжких трудов. Прославленные римские театры и цирки, включая Колизей, и вовсе строились рабами, а другие рабы тешили в них праздных римлян зрелищем жестокого гладиаторского боя. В конце концов, тюрьмы и даже концентрационные лагеря – тоже результат сотрудничества, они функционируют лишь тогда, когда тысячи незнакомых друг с другом людей ухитряются каким-то образом координировать свои действия.

IN CONGRESS, JULY 4, 1776.

The unanimous Declaration of the thirteen united States of America.

Декларация независимости Соединенных Штатов Америки, подписанная 4 июля 1776 года

Все эти сети сотрудничества – города Древней Месопотамии, Китайская и Римская империи – основаны на «воображаемом порядке». Они существовали за счет социальных норм, то есть не в силу инстинкта либо личного знакомства всех участников, а благодаря вере в одни и те же мифы.

Как могут целые империи существовать благодаря мифам? Один пример мы уже обсуждали: *Peugeot.* Чтобы лучше разобраться в вопросе, давайте рассмотрим два знаменитых мифа: Кодекс Хаммурапи (ок. 1776 до н. э.), на который ориентировались в своем сотрудничестве сотни тысяч древних вавилонян, и Декларацию независимости Соединенных Штатов Америки (1776 н. э.), которая и сегодня служит пособием по социальному взаимодействию для сотен миллионов американцев.

В 1776 году до н. э. Вавилон был величайшим городом на Земле. И, вероятно, Вавилонское царство с его миллионом подданных тоже было самым большим на тот момент. Эта протоимперия охватывала большую часть Междуречья, в том числе почти весь современный Ирак

и частично Иран и Сирию. До наших дней дошла слава вавилонского царя Хаммурапи. Память в потомстве ему обеспечил главным образом текст, который носит его имя. Кодекс Хаммурапи – это свод законов и судебных постановлений. Он был составлен, дабы представить царя Хаммурапи образцом справедливости, заложить основу единообразной законодательной системы для всего Вавилонского царства и показать будущим поколениям, что такое справедливость и как действует справедливый царь.

Будущие поколения урок усвоили. Интеллектуалы и чиновники древней Месопотамии объявили этот текст каноническим: юные писцы, обучаясь, копировали его вновь и вновь спустя много лет после смерти Хаммурапи и гибели его царства. Очевидно, свод законов Хаммурапи достаточно точно отражал представления древних жителей Междуречья о справедливом социальном укладе[34].

Текст начинается с сообщения о том, что Ану, Энлиль и Мардук – верховные боги Месопотамского пантеона – поставили Хаммурапи во главе царства, «чтобы в стране господствовало правосудие, чтобы уничтожать несущих зло и не позволять сильным угнетать слабых» [35]. Затем следует примерно 300 предписаний по единой формуле: «если случится то-то и то-то, наказание будет таким-то». Приведем в качестве примера законы 196–199 и 209–214.

196. Если знатный человек выколет глаз другому знатному человеку, пусть ему выколют глаз.

197. Если он сломает другому знатному человеку кость, пусть ему сломают кость.

198. Если он выколет глаз простому человеку или сломает ему кость, пусть отвесит и уплатит 60 сикелей серебра.

199. Если он выколет глаз рабу знатного человека или сломает кость рабу знатного человека, пусть отвесит и уплатит половину стоимости этого раба серебром[36].

209. Если знатный человек ударит женщину из того же сословия и она из-за этого выкинет, пусть отвесит и уплатит 10 сикелей серебра за ее плод.

210. Если женщина умрет, пусть лишат жизни его дочь.

211. Если он побьет простолюдинку и она выкинет, пусть отвесит и уплатит 5 сикелей серебра.

212. Если женщина умрет, пусть отвесит и уплатит 30 сикелей серебра.

213. Если он ударит рабыню знатного человека и она выкинет, пусть отвесит и уплатит 2 сикеля серебра.

214. Если рабыня умрет, пусть отвесит и уплатит 20 сикелей серебра[37].

После долгого перечисления своих решений Хаммурапи провозглашает:

«Это справедливые решения, которые установил могущественный царь Хаммурапи и тем направил страну на путь истины и справедливости… Я – Хаммурапи, царь совершенный. Я не был небрежен и не уклонялся от заботы о народе, который бог Энлиль вверил мне, о народе, пастырем над которым бог Мардук поставил меня» [38]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.